

DOI 10.18522/2500-3224-2023-1-200-264

УДК 93/94

ПРЕОБРАЗОВАТЕЛИ КАВКАЗА: ИНСТИТУТЫ, ЛИЧНОСТИ, ОБРАЗЫ

Аннотация. Процессы интеграции Северного Кавказа в политическое, экономическое и социокультурное пространство России имели глубокий и длительный характер, отражая взаимодействие разнообразных внутренних и внешних факторов. Они не ограничивались присоединением региона к Российской империи, распространением на него имперских норм и технологий управления, но сопровождалась внутренними трансформациями в различных сферах, преодолением прежней замкнутости населявших его народов, появлением новых промышленных и культурных центров, транспортных узлов, формированием единого рынка товаров и услуг, изменениями в общественном сознании и повседневной жизни. Поэтому литературной аллюзией номера выбраны «Метаморфозы». Как в поэме Овидия происходили различные превращения в определенной последовательности, так и Кавказ на протяжении двух с лишним столетий системно менялся, и этот транзит имел собственную логику, пусть порой и достаточно противоречивую, со сменой векторов развития.

Продолжая основную тему номера, участники дискуссии главное внимание сосредотачивают на преобразователях Кавказа, инициировавших и осуществлявших эти перемены, а также на их отражении в различных формах исторической памяти. В качестве преобразователей выступают органы власти и отдельные личности, предлагавшие свои варианты ответа в поиске путей развития региона, как представители Российской империи, а затем Советского государства, так и их противники. В столкновении разных проектов между собой и с историческими реалиями происходил отбор оптимальных форм трансформаций Северного Кавказа. Особое внимание уделяется политике памяти и мемориальным практикам, позволяющим выявить соотношение между отдельными персонажами и их историческими образами, реконструируемыми с помощью различных средств.

Ключевые слова: Северный Кавказ, политические и социокультурные преобразования, национальная интеллигенция, коренизация, политика памяти, памятник русской учительнице.

Цитирование: Бобровников В.О., Колесникова М.Е., Кузьминов П.А., Клычников Ю.Ю., Аверьянов А.В. Преобразователи Кавказа: институты, личности, образы // Новое прошлое / The New Past. 2023. № 1. С. 200–264. DOI 10.18522/2500-3224-2023-1-200-264 / Bobrovnikov V.O., Kolesnikova M.E., Kuzminov P.A., Klychnikov Yu.Yu., Averyanov A.V. Those who Transformed the Caucasus: Personalities, Institutions, Images, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2023. No. 1. Pp. 200–264. DOI 10.18522/2500-3224-2023-1-200-264.

© Бобровников В.О., Колесникова М.Е., Кузьминов П.А., Клычников Ю.Ю., Аверьянов А.В., 2023

Вопросы к дискуссии:

1. Какова роль органов власти и отдельных личностей в преобразованиях на Северном Кавказе в различные периоды истории? Можно ли считать власть главным движущим фактором развития региона?
2. Какими были уровень компетентности и диапазон возможностей центральной и местной администрации и ее представителей в решении вопросов регионального развития?
3. Насколько эффективным было создание горских школ и проведение политики коренизации? Следует ли считать эти практики управления политикой позитивной дискриминации?
4. Какова роль русской и национальной интеллигенции и ее отдельных социально-профессиональных групп (педагогов, врачей, ученых, в том числе историков, деятелей культуры и других) в социокультурных трансформациях и политических процессах?
5. Как представлены преобразователи Северного Кавказа (люди и институты) в различных формах исторической памяти? Почему в последние годы получили распространение памятники русской учительнице?

Участники дискуссии:

Бобровников Владимир Олегович, кандидат исторических наук, заведующий Центром изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья, Институт востоковедения Российской академии наук, научный сотрудник Научной лаборатории по анализу и моделированию социальных процессов, Санкт-Петербургский государственный университет; профессор Института классического Востока и античности, Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Колесникова Марина Евгеньевна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории России, Северо-Кавказский федеральный университет.

Кузьминов Петр Абрамович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, ведущий научный сотрудник Кабардино-Балкарского научного центра РАН.

Клычников Юрий Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии, Пятигорский государственный университет.

Аверьянов Антон Викторович, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой Отечественной истории XX–XXI веков, Южный федеральный университет.

THOSE WHO TRANSFORMED THE CAUCASUS: PERSONALITIES, INSTITUTIONS, IMAGES

Abstract. The processes of integration of the North Caucasus into the political, economic and socio-cultural space of Russia had a deep and long history, reflecting the interaction of various internal and external factors. Those factors were not limited to the annexation of the region to the Russian Empire with the spread of imperial norms and management technologies, but were also accompanied by internal transformations in various fields, overcoming the former isolation of the peoples inhabiting it, the emergence of new industrial and cultural centers, transport hubs, the formation of a single market for goods and services, changes in public consciousness and everyday life. Therefore, *Metamorphoses* was chosen as the literary allusion of the issue. As in Ovid's poem various transformations took place in a certain sequence, so the Caucasus has been systematically changing for more than two centuries, and this transit had its own logic, albeit sometimes quite contradictory, with a change in development vectors.

Continuing the main theme of the issue, the participants of the discussion focus on the personalities that reformed the Caucasus, those who initiated and carried out these changes, as well as on their reflection in various forms of historical memory. The authorities and individuals who offered their answers in the search for ways to develop the region, both representatives of the Russian Empire, and then the Soviet state, and their opponents, act as transformers. In the collision of various projects with each other and with historical realities, the selection of optimal forms of transformation of the North Caucasus took place. Particular attention is paid to the politics of memory and memorial practices, which make it possible to reveal the relationship between individuals and their historical images, reconstructed using various means.

Keywords: North Caucasus, political and socio-cultural transformations, national intelligentsia, indigenization, politics of memory, monument to a Russian teacher.

Discussion questions:

1. What is the role of the authorities and individuals in the transformations in the North Caucasus in different periods of history? Can the authorities be considered the main driving factor in the development of the region?
2. What was the level of competence and range of possibilities of the central and local administration and its representatives in dealing with issues of regional development?
3. How effective was the creation of mountain schools and the policy of indigenization? Should these practices be considered positive discrimination policy management?
4. What is the role of the Russian and national intelligentsia and its individual socio-professional groups (teachers, doctors, scientists, including historians, cultural figures and others) in socio-cultural transformations and political processes?
5. How are the transformers of the North Caucasus (people and institutions) represented in various forms of historical memory? Why have monuments to a Russian teacher become widespread in recent years?

Discussants:

Bobrovnikov Vladimir O., Candidate of Science (History), Chair of Center for the Study of Caucasus, Central Asia and the Volga-Ural Region, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; Research Fellow, Research Laboratory for Analysis and Modeling of Social Processes, St. Petersburg State University; Professor, Institute for Oriental and Classical Studies, HSE University.

Kolesnikova Marina Ye., Doctor of Science (History), Professor, Head of the Russian History Department, North-Caucasus Federal University.

Kuzminov Pyotr A., Doctor of Science (History), Professor, Professor, Russian History Department, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov; Lead Researcher, Research and Innovation centre "Natural-scientific methods in archeology, anthropology and archeography", Federal Scientific Center Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.

Klychnikov Yury Yu., Doctor of Science (History), Professor, Professor, Department of Historical and Social Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology, Pyatigorsk State University.

Averyanov Anton V., Doctor of Science (History), Associate Professor, Head of the Department of National History of the 20th–21st Centuries, Institute of History and International Relations, Southern Federal University.

DOI 10.18522/2500-3224-2023-1-204-217

УДК 94(47)

КТО И КАК СОЗДАВАЛ ДАГЕСТАН НА ЦАРСКОМ И СОВЕТСКОМ КАВКАЗЕ? АКТОРЫ И АГЕНТЫ ВНУТРЕННЕЙ ИНТЕГРАЦИИ РЕГИОНА

Бобровников Владимир Олегович

Институт востоковедения Российской академии наук,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия;
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия
vladimir_bobrovn@mail.ru

Аннотация. Отвечая на вопросы дискуссии о преобразователях Северного Кавказа под властью Российской империи и СССР, я предлагаю взглянуть на проблему его внутренней интеграции сквозь материалы, собранные мной с конца XX в. *in situ* в Дагестане, одной из важнейших исторических областей, образующих регион. Цель работы – установить вклад в создание единого северокавказского социального, правового и культурного пространства, с одной стороны, местных акторов и исторических лиц, включая противников российской власти, а с другой – их имперских и советских партнеров, причастных к управлению Кавказским краем. Новизна подхода заключается в сравнительном диахронном анализе практик управления и получения знания о регионе, осуществления в нем долговременных преобразований, а также их отражения в коллективной исторической памяти в историческом контексте деколонизации. Статья опирается на свидетельства широкого круга первоисточников конца XVIII–XX в., часть из которых вводится в научный оборот. Их сопоставление подводит к выводу о том, что Северный Кавказ как регион – относительно новая конструкция. Дагестан и другие его исторические области вроде Черкесии впервые обрели внутреннее единство и четкие границы на внутреннем пограничье России за полтора-два последних столетия. Их имперское и советское прошлое продолжает служить объектом культурной памяти региона.

Ключевые слова: внутренняя интеграция, военно-народное управление, коренизация, колониализм и модернизация, культурная память, Российская империя, СССР.

Цитирование: Бобровников В.О. Кто и как создавал Дагестан на царском и советском Кавказе? Акторы и агенты внутренней интеграции региона // Новое прошлое / The New Past. 2023. № 1. С. 204–217. DOI 10.18522/2500-3224-2023-1-204-217 / Bobrovnikov V.O. Who did Create Dagestan in Tsarist and Soviet Caucasus, and How? Actors and Agents of Region's Internal Integration, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2023. No. 1. Pp. 204–217. DOI 10.18522/2500-3224-2023-1-204-217.

© Бобровников В.О., 2023

WHO CREATED DAGESTAN IN TSARIST AND SOVIET CAUCASUS, AND HOW? ACTORS AND AGENTS OF REGION'S INTERNAL INTEGRATION

Bobrovnikov Vladimir O.

Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences,
National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia;
Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia
vladimir_bobrovn@mail.ru

Abstract. In order to answer questions put in the discussion concerning reformers of the North Caucasus as a modern region under the Russian imperial and Soviet rule, I propose to look at the problem of regions' internal integration through the study of materials I gathered from the end of the 20th century in Dagestan, which is one of the most important historical areas forming this region. The paper aims to establish how regional actors, including opponents of the Russian authorities, as well as their imperial and Soviet partners involved in the management of the Caucasus region, contributed to the making of the unified North Caucasian social, legal and cultural space. The novelty of my approach lies in comparative diachronic analysis of governance practices and getting knowledge about the region, carrying-out long-term transformations in it, as well as their reflection in collective historical memory in the historical context of de-colonization. The article is based on evidences of a wide range of primary sources dated the late 18th–20th centuries, some of which are introduced into scientific circulation: they include Russia's regional legislation, legal deeds and narrative texts, as well as archival files, museum exhibits and memorial monuments. Their comparative investigation led me to the conclusion that the North Caucasus as a region is relatively new social construction. As the other region's historical areas like that of Circassia, for the first time Dagestan got internal unity and clear boundaries in the Russia's internal borderland during the last 150–200 years. Its former imperial and Soviet past plays an important role in the region's cultural memory.

Keywords: internal integration, military native administration, indigenization (korenizatsiia), colonialism and modernization, cultural memory, the Russian empire, the USSR.

Критический пафос организаторов дискуссии мне близок. Я согласен с тем, что историки слишком зациклились на изучении интеграции Северного Кавказа в Российскую империю. Завоевание региона и появление в нем российской администрации во второй трети XVIII–XX в. мало что говорят о трансформации местного общества. К тому же, оптика большинства исследований либо чрезмерно глобальная, из столицы империи, либо слишком локальная в границах исторических областей (и субъектов Российской Федерации) – Дагестана, Чечни, Кабарды и т.д., без всякой связи их друг с другом. Общекавказский уровень при таком подходе ускользает от внимания историка. Еще более неясен субрегиональный уровень исторических областей, составляющих Северный Кавказ. В результате у читателя (и исследователя) получается ущербная картина жизни мусульманских сообществ на Северном Кавказе. Гипотеза И. Баберовского, предложившего обратную оптику изучения СССР с Кавказа, с упором на изначальный кавказский опыт власти у И.В. Сталина и окружавших его советских вождей, кажется чрезмерно спорной. Она мало что дает для понимания трансформации Северного Кавказа [Баберовский, 2010, с. 761, 792–794].

В ответах на вопросы дискуссии я ограничусь лучше известным мне дагестанским случаем объединения Северного Кавказа. Дагестан впервые обрел политическое, социальное и правовое единство под властью Российской империи после Кавказской войны. Прежде это была неопределенная воображаемая историческая область вроде Черкесии на ойкумене мусульманского мира, не имевшая политического и социального единства и четких границ, хотя за пределами Кавказа ее уроженцы называли себя «дагестанцами» (ад-Дагистани). Дагестан не был отделен от Ширвана и Кахетии в Закавказье, и долины Терека на севере. Территория его до второй трети XIX в. была поделена между десятками мусульманских владений (ханств и бийликов) и союзов горских общин (арабские джуйуш, навахи, русские вольные общества) в разной степени зависевших друг от друга, шахов Ирана и османских султанов. Решения кади и обычаи ('адат) не имели силы закона за пределами конфедерации или ханства [Агларов, 1988, с. 89, 101–104; Бобровников, 2002, с. 135–136]. В 1864 г. военный начальник Южного Дагестана сетовал на невозможность унифицировать даже налоги, поскольку «подати и повинности, отбываемые жителями вверенного мне Отдела, чрезвычайно разнообразны и к тому же ... несутся жителями ... различно» [НА ИИАЭ, ф. 5, оп. 1, д. 60, л. 1].

Единая Дагестанская область появилась намного раньше (1860), чем дагестанцы интегрировались в Российское государство и общество. В 1860–1927 гг. в ней работала партикулярная, но общedaгестанская иерархия народных (горских), позже шариатских судов, имевшая аналоги в других областях Кавказа (военно-народное управление, шариатская юстиция) [Северный Кавказ..., 2007, с. 189–205]. Общие законы империи и ранней советской России в области не действовали. Даже судить за преступления, совершенные за пределами области везли в округ, к которому обвиняемые были приписаны. Языком власти и права был арабский (и азербайджанский в арабской графике на юге области). Русский стал *lingua franca* горцев лишь во второй половине XX в. Народы Дагестана, как и других национальных автономий Северного Кавказа, стали регулярно призывать в армию только после реформ 1923–1940-х гг. [Безугольный, 2016]. Причиной запаздывания их включения в Россию я считаю

последствия колониального управления. Колониализм всегда разделяет жителей метрополии и колоний, рождая дискриминацию [Burbank, Cooper, 2010, p. 8–11]. Горцы Дагестанской и других областей на Западном Кавказе имели до 1917 г. статус туземцев (инородцев) как неполноправных подданных империи. Они подчинялись военно-народной администрации – версии косвенного колониального управления руками туземных элит («народа») под надзором военных [Бобровников, 2010, с. 186–206].

Область выросла из Левого крыла упраздненной укрепленной Кавказской линии. Ее каркасом стала Лезгинская кордонная линия (с 1830), а центрами части округов – ее крепости, из которых в предгорьях и на равнине позднее выросли города. Устройство области с учетом коммуникаций и горного рельефа¹ было разработано властями Кавказского наместничества. «Проект Положения об управлении Дагестанской областью» подписал наместник кавказский генерал-адъютант кн. А.И. Барятинский [АКАК, 1904, с. 434–440]. Его установки проводили в жизнь офицеры Кавказской армии, служившие в области. Высшие эшелоны власти в г. Темир-Хан-Шура (ныне Буйнакск) и округах составляли прошедшие Кавказскую войну (1817–1864) офицеры, большинство из которых вышли из грузинской и армянской знати Закавказья. Двумя первыми военными губернаторами Дагестана были князь Л.И. Меликов (1860–1880) и Н.З. Чавчавадзе (1880–1896) [Северный Кавказ..., 2007, с. 404]. Власть в наибствах (с 1899 г. укрупненных участках) и сельских обществах (джамат) была в руках унтер-офицеров, сельских старшин, судей и кади, как правило, местных уроженцев.

Среди чинов низшей военно-народной администрации было много бывших наибов Имамата и других участников вооруженного джихада, перешедших на сторону русских в Кавказскую войну. В 4 из 9 округов на западе и севере Дагестанской области (до 1865 г. 5 из 10) они численно преобладали [Воронов, 1868, с. 20]. Во время восстания 1877–1878 гг. большинство из них сохранили верность империи и остались на своих постах после его подавления. В основу административного членения и иерархии властей было положено устройство Имамата [Северный Кавказ..., 2007, с. 121–123]. Даже слово «наибство» происходит оттуда. Округа были созданы в границах союзов горских общин и владений, в большинстве своем не изменившихся в Иمامате. В том, что бывшие враги империи стали ее строителями на Северном Кавказе, нет ничего необычного. То же самое было в Алжире, где французы управляли руками перешедших на их сторону сторонников эмира Абд эль-Кадера [Jersild, 2002, p. 34].

Итак, до начала XX в. главными акторами внутренней интеграции Северного Кавказа в дагестанском случае были, во-первых, действующие военные власти Кавказского наместничества, а во-вторых, бывшие наибы, мудиры и шариатские судьи Имамата, включенные в военно-народную администрацию. Верхушка имперской элиты считалась «русской», хотя и состояла из единоверных русским армян

¹ По этой причине за пределами области оказался Закатальский округ, основанный в границах дагестанской конфедерации Джар за Большим Кавказским хребтом в северном Азербайджане. В 1861 г. похожие соображения заставили передать в Дагестанскую область из Терской наибства по южному склону Андийского хребта. Постоянно контролировать их при отсутствии дорог власти могли лишь из центра Андийского округа Дагестана с. Ботлих.

и грузин, сделавших военную карьеру в Кавказскую войну. Этнических русских среди чиновников Дагестанской области были единицы. В отличие от Терской и Кубанской областей, линейное казачество и переселенцы из России не участвовали в создании Дагестана. Казачьих земель в области не было, а переселение европейцев в нее запрещалось, кроме городов Дербент, Темир-Хан-Шура и Петровск (ныне Махачкала), под которыми в начале XX в. появилось 5 русских сел. Здесь жили отставные солдаты и офицеры Кавказской армии [Цуциев, 2006, карта 11]. Кроме того, к разработке устройства области и работе военно-народной администрации в округах привлекали военных переводчиков из терских казаков и членов Императорского Русского географического общества. Памятником такого сотрудничества стал «Проект положения о сельских обществах, их общественном управлении и повинностях государственных и общественных в Дагестанской области», опубликованный для туземцев области на арабском языке [Хазики кава'ид., 1868].

Создание Дагестана было завершено в СССР. Тогда же из области между Закавказьем и Северным Кавказом, управляемой из центра наместничества в Тифлисе, через союзную республику в составе Закавказской Федерации (ЗСФСР, осень 1920–октябрь 1921 г.) он превратился в автономию (Дагестанскую АССР), управлявшуюся из столицы РСФСР и СССР Москвы. Территория его увеличилась почти вдвое. В 1921–1923 гг. в него вошли междуречье Сулака и Терека с гг. Хасавюрт и Кизляр (бывших крепостей Линии) и Ногайская степь. Северные районы то отделяли, то присоединяли; окончательно они вошли в ДАССР в 1957 г. В итоге название края (тюрк.-перс. «страна гор») потеряло изначальный смысл. Равнина с предгорьями (16%) занимает 60,1% территории Дагестана. Наряду с горами, кумыками и азербайджанцами «дагестанцами» стали русские (в 1926 г. 11,97%) и ногайцы (3,19%) [Посемейные списки..., 2005, с. 111]. К последней советской переписи 1989 г. доля обоих народов среди дагестанцев упала – до 9,21 и 1,57% соответственно [Народы России..., 1994, с. 434]. Это произошло из-за демографического бума у потомков горцев, большинство из которых с 1970-х гг. живет на равнине, хотя и прописаны в горах. У кумыков, ногайцев и русских такого роста народонаселения не было.

С конца 1920-х гг. внутренняя интеграция общества определялась политикой коренизации (или национализации), которую к концу 1930-х гг. сменила политика русификации нерусских народов региона. Коренизация Дагестана имела несколько особенностей. Во-первых, здесь не было колонистов из России. Во-вторых, еще при старом режиме администрация была в основном кавказской. Русификацию администрации безуспешно пытались провести лишь в 1913 г. Генералов и офицеров грузинского и армянского происхождения с немногочисленными русскими чиновниками выдавили из властных структур еще в Гражданскую войну. В 1927 г. этнические дагестанцы занимали 67,4% должностей в сельсоветах [Martin, 2001, p. 142]. Наконец, советский Дагестан не имел этнических районов. Коренизация в Дагестанской АССР и Северо-Кавказском крае неплохо описана в книге Т. Мартина [Martin, 2001, p. 60–64, 129–132, 134–135, 142, 167, 170–173, 176–177, 185–194, 196–198, 291–296, 299–307, 312–313, 380–386]. Он видит в ней первый в мире опыт использования компенсирующих привилегий для меньшинств в условиях деколонизации [Martin, 2001, p. 1–2, 18; ср.: Миллер, 2004, с. 62].

Одновременно с коренизацией в Дагестанской АССР стала целенаправленно осуществляться политика «национальной консолидации» малочисленных меньшинств с более крупными родственными им народами, в основном среди горцев: андо-цезских народов с аварцами, кубачинцев и кайтагов — с даргинцами, терекеме на равнине — с дагестанскими азербайджанцами. Используя связи с Москвой и поддержку силовиков из ОГПУ-НКВД, этнические фракции компартии и советского аппарата сменяли друг друга в руководстве автономии: после кумыков у власти встали лезгины, затем русские и азербайджанцы, а после Великой Отечественной войны — аварцы, а с 1970-х гг. — даргинцы. В риторике советской модернизации политики и консультировавшие их ученые обосновывали национальную консолидацию необходимостью преодолеть вековую отсталость горцев путем инкорпорации их в современные крупные национальные сообщества. У этой долговременной программы были и прикладные причины — управлять крупными этническими общинами было проще. Не все тут шло гладко. Приписать табасаранцев, рутульцев, цахуров к лезгинам, чей политический статус был невысок, не удалось, а близкие лезгинам арчинцы даже стали аварцами [Лавров, 1982, с. 148]. Наряду с урбанизацией и дорожным строительством, основу которых заложили еще в Кавказскую войну, национальная консолидация цементировала дагестанское общество изнутри.

Осуществить широкую культурную программу коренизации властям сначала помогали мусульманские реформаторы (джадиды), работавшие в советских учреждениях Дагестана учителями, врачами, публицистами, издателями, историками. До конца 1920-х гг. советские учебники и пресса на национальных языках выходили в реформированной ими арабской графике. Джадиды были важным актором ранней советской трансформации северокавказского общества, но в 1930-е гг. оказались в ссылке и концлагерях, где большинство погибло [Bobrovnikov, 2023, p. 165–166]. С конца 1920-х гг. в роли экспертов выступают светские ученые из вузов и разных научно-исследовательских учреждений, появившихся в регионе в советскую эпоху. В Дагестане у истоков этой научной сети стоял НИИ национальных культур, созданный А.А. Тахо-Годи (1924) и преобразованный в филиал АН СССР в 1945 г. [Институт истории..., 2014, с. 3]. Северокавказские, ленинградские и московские филологи разработали для нужд коренизации графику на латинской основе, после на кириллице. Первая нужна была властям для секуляризации мусульманских народов и начала заменять арабский шрифт с 1928 г.; кириллица в свою очередь заменила ее на волне русификации после 1937 г. [Алпатов, 2000, с. 61–72, 87–102]. Этнографы выступали экспертами при реализации программы национальной консолидации.

Из изложенного выше может показаться, что в Дагестане главный импульс внутренней интеграции и развития региона неизменно исходил от государства, сначала колониальной империи, а затем унитарной федерации. Это правда, но не вся правда. Конечно, для нужд управления краем, население которого долго сопротивлялось централизации, жило в труднодоступных районах и не было едино, политики пытались унифицировать общество и развивать коммуникации. Однако не все интеграционные политические проекты оказались успешны. Дважды проваливались попытки создать противостоявшее России теократическое государство джихада — в Имамате второй трети XIX в. и Имарате Кавказ на рубеже XX–XXI вв. Та же участь постигла в 1918–1920-е и 1989–1990-е гг. проекты Горской республики — федерации вне России

[Цуциев, 2006, с. 18, 23, 51, 98–100]. Без поддержки населения внутренняя интеграция региона не осуществилась бы. «За» нее сыграли массовые переселения, политические репрессии, а со второй половины XX в. миграции. Модернизация региона не состоялась бы без участия в проектах властей улемов и имперских военных экспертов, а в послевоенном СССР технической и гуманитарной интеллигенции из России, особенно сельских учительниц и врачей, агрономов, инженеров.

Историки порой преувеличивают роль экспертного знания и горских традиций в становлении Северного Кавказа XIX–XX вв. [Агларов, 1988]. В действительности, многие из последних относились к категории «изобретенных традиций», по Э. Хобсбауму [The Invention of tradition, 2000, p. 1–14]. В частности, унифицированная община-джамаат (и созданная на ее основе колхозная деревня) была сконструирована по образцу реформенных сельских обществ у русских крестьян после отмены крепостного права [Бобровников, 2010, с. 193–198; ср. Хазихи кав'ид..., 1868]. Этот низовой институт военно-народной администрации оказался удачным и пережил империю, но некоторые начинания царских экспертов пришлось корректировать, как, например, проект возврата к дошамилевским адатам, на котором А.И. Барятинский основывал военно-народное управление. Его безумный план по замене шариатской юстиции адатами грозил бунтом недавно «замиренных» горцев. Поэтому чинам военно-народного управления пришлось отговаривать преемника Барятинского великого князя Михаила Николаевича (1862–1881) от его реализации, не отменяя формально [Записка о преобразовании..., б.г., с. 22–26]. Провалился в Дагестане и проект создания в 1860-х гг. при «Обществе восстановления православного христианства в горах» сети горских школ, несмотря на участие в нем гениального лингвиста П.К. Услара, создавшего русифицированные азбуки важнейших нахско-дагестанских языков [Jersild, 2002, p. 36, 80–84, 88].

Объем власти и степень знакомства с регионом у политиков, управлявших Дагестаном и участвовавших в преобразованиях Северного Кавказа при разных режимах с середины XIX по конец XX в., несопоставимы. Более влиятельными в принятии решений были уже упоминавшиеся военные начальники Дагестанской области Меликов и Чавчавадзе. В раннее советское время большой властью обладали Д.А. Коркмасов и близкий к С. Орджоникидзе Н. Самурский, оба расстрелянные в 1937 г., затем бессменный руководитель ДАССР в 1940–1970 гг. А.Д. Даниялов. Но, конечно, решения по Северному Кавказу и его областям, а позднее советским автономиям, принимались не ими и не в регионе, а в Тифлисе (до 1920 г.), позднее – в Москве. При исполнительной власти в области и АССР всегда был достаточно широкий штат экспертов. С позднего имперского времени некоторые крупные военные чины и даже руководители Дагестана занимались изучением края на досуге от административных забот. Самурский и Даниялов были первыми главами Дагестана, защитившими диссертации по истории.

Преобразования, продолжавшиеся на Северном Кавказе более двух столетий, сегодня принадлежат истории. Вместе с тем они во многом определяют историческую память дагестанцев о своем прошлом. Об образах преобразователей на Северном Кавказе в коллективной памяти можно судить по памятникам и музеям. Первые из них появились во второй половине XIX в. и были чисто колониальными, прославляя «замирение»

горцев-«хищников» и «цивилизацию» региона империей. Еще во время Кавказской войны (1849) наместник кавказский М.С. Воронцов заказал инженеру В.И. Гершельману восстановить в цитадели Дербента землянку Петра I, в которой тот останавливался во время Персидского похода 1723 г. [Маньшев, 2022, с. 103, 105]. На месте сдачи имама Шамиля Баятинскому на Гунибе над камнем, на котором сидел главнокомандующий, в 1893 г. была возведена каменная беседка, увенчанная двуглавым орлом. Еще раньше в 1885–1888 гг. архитектор А. Зальцман построил при Военно-историческом отделе штаба Кавказского военного округа в Тифлисе «Храм Славы», в котором история Кавказской войны была представлена на гигантских панорамах и портретах российских военных работы баталистов Ф. Рубо, Т. Горшельдта, Ф.И. Байкова, Н.С. Самокиша, пейзажистов И.К. Айвазовского и И.Н. Занковского. В экспозиции музея были выставлены боевые трофеи, оружие, знамена и ордена [Дагирова, 2012, с. 9–14].

Открылся «Храм Славы» в 1907 г., а в 1915 г. его эвакуировали на Северный Кавказ и расформировали [Дагирова, 2012, с. 14, 18]. В Гражданскую войну уничтожили землянку Петра I в Дербенте [Маньшев, 2022, с. 103]. В 1920-е гг. сбили орла с беседки Шамиля на Гунибе. Этот памятник пережил СССР, но был взорван в 1995 г. и вновь восстановлен в 2000-е гг. Советские мемориалы слабо отражали тему внутренней интеграции региона. Памятники того времени включали портреты классиков марксизма-ленинизма, в основном Ленина (и Сталина в 1930–1950-е гг.), а также героев Гражданской и Великой Отечественной войн, изваянных в общем безликом стиле советских монументалистов. Советские музеи эксплуатировали лишь тему советской модернизации горцев и дружбы народов. Герои объединения края появились на памятниках и в музеях, начиная с 1990-х гг. Среди них лидирует имам Шамиль, заменивший в республике образ вездесущего Ленина [Longuet Marx, 1998]. В конце 1990-х гг. из-за запрета шариата на изображения живых существ большинство изображений имама с улиц и площадей убрали. Муфтият Дагестана смягчил его, специальной фетвой разрешив бюсты и поясные портреты имама, имея в виду прежде всего нужды чиновников [Муфтият Республики Дагестан]. Школы, кабинеты госслужащих и даже мечети до сих пор украшены изображениями имама.

В заключение остается добавить, что тематика новых памятников и музеев, появившихся после 1991 г., отражает не только приоритеты современной культурной памяти, но и прагматические соображения властей всех уровней, пытающихся доказать федеральному центру свою лояльность. Часто это получается неуклюже. Особенно любят в последние десятилетия ставить памятники Петру I. Один памятник, увенчанный бронзовым бюстом императора, открыт в Махачкале в 2006 г. Другой, копия со статуи М.М. Антокольского, установлен в 2015 г. при праздновании 2000-летия Дербента у восстановленного музея «Дом Петра I» [Маньшев, 2022, с. 104]. Еще один бронзовый бюст императора работы Н. Иванова стоит в Кизляре. Колоссальный 10-метровый мемориал работы А.-Г. Сайгидова с памятником русской учительнице, почему-то опирающейся на глобус на спице, появился в 2006 г. в Махачкале, похоже, лишь с целью выразить лояльность властей города и республики к русским федеральным властям (рис. 1). Похожие чувства побудили бывшего главу Дагестана Р.Г. Абдулатипова открыть в 2017 г. Мемориальный центр Ахульго напротив святыни шахидов, погибших при осаде русскими отряда Шамиля в 1839 г. (рис. 2). Стилизованный под горскую

Рис. 1. Памятник русской учительнице. Махачкала. Фото П.И. Тахнаевой (май 2022 г.)

Рис. 2. Мемориальный комплекс Ахульго. Фото В.О. Бобровникова (август 2022 г.)

башню «мемориал общей памяти и общей судьбы» Дагестана и России содержит только копии, нередко неточные: панорамы Рубо «Взятие Ахульго» (1891), портретов российских генералов Кавказской войны, керамики, оружия и знамен из «Храма Славы», а также совершенно выпадающее из тематики экспозиции полотно, изображающее Президента РФ В.В. Путина, скачущего среди русских берез на белом коне.

Но это отнюдь не говорит о возврате Дагестана и России к колониальному и даже советскому прошлому Северного Кавказа. Как давным-давно отметил Гераклит, нельзя дважды войти в одну и ту же реку прошлого, особенно если эта река, по более недавнему уточнению Клифорда Гирца, распадается на множество ручейков и не раз меняет направление своего течения... [Geertz, 1995, p. 2]. История внутренней интеграции северокавказского общества, рассмотренная в этой статье на примере Дагестана, лишний раз подтверждает это правило.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане XVII–начала XIX в. М.: Наука, 1988. 240 с.

Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). Тифлис: Типография Канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1904. Т. XII. 1552 с.

Алпатов В.М. 150 языков и политика. 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. 2-е изд. М.: Крафт+, Институт востоковедения РАН, 2000. 224 с.

Баберовский Й. Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе. М.: РОССПЭН, 2010. 855 с.

Безугольный А. «Источник дополнительной мощи Красной Армии...». Национальный вопрос в военном строительстве СССР. 1922–1945. М.: РОССПЭН, 2016. 271 с.

Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие (Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана). М.: Восточная литература, 2002. 368 с.

Бобровников В.О. Русский Кавказ и французский Алжир: случайное сходство или обмен опытом колониального строительства // *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917)*. Ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер. М.: НЛО, 2010. С. 182–209.

Воронов Н.И. Из путешествия по Дагестану // *Сборник сведений о кавказских горцах*. Тифлис, 1868, 1870. Вып. I. Отд. VI. С. 1–36; Вып. III. Отд. III. С. 1–40.

Дагирова Д.А. Ахульго, Дагестан, Кавказ в творчестве Франца Рубо. Махачкала: Лотос, 2012. 120 с.

Записка о преобразованиях военно-народных управлений. Б.м., б.г. 121 с.

Институт истории, археологии и этнографии. Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. 1924–2014 гг. К 90-летию со дня основания. Документы и материалы. Махачкала: Наука-Дагестан, 2014. 410 с.

Лавров Л.И. Этнография Кавказа (по полевым материалам 1924–1978 гг.). Л.: Наука, 1982. 224 с.

Манышев С.Б. Землянка Петра I в Дербенте. Удивительный исторический памятник XVIII века, восстановленный в XXI столетии // *Родина*. 2022. № 11. С. 102–105.

Миллер А.И. Советское наследие «империи положительного действия» // *Политическая наука*. 2004. № 3. С. 57–69.

Муфтият Республики Дагестан. [Фетва:] Портреты праведников и богословов. URL: <https://muftiyatrd.ru/fatawa/portrety-pravednikov-i-bogoslovov> (дата обращения – 15 января 2023 г.).

Народы России: энциклопедия. Гл. ред. В.А. Тишков. М.: Большая российская энциклопедия, 1994. 479 с.

Научный архив Института истории, археологии, этнографии (НА ИИАЭ). Ф. 5. Оп. 1. Д. 60.

Посемейные списки населения Дагестанской области 1886 года и переписи населения 1897 и 1926 годов: статистический справочник. Сост. М.К. Нагиева. Отв. ред. А.И. Османов. Махачкала, ИД «Наука плюс», 2005. 120 с.

Северный Кавказ в составе Российской империи. Отв. ред. В.О. Бобровников, И.Л. Бабич. М.: НЛО, 2007. 460 с.

Хазихи кава'ид фи байан джама'ат кура вилайат ад-Дагистан ва фи тадбир умур-хим ва-л-хукук ал-ваджиба 'ала ахали ал-кура ли-л-фадишахийа ва ли-л-джама'а. Темир-Хан-Шура: Типография Штаба Дагестанской области, 1868. 19 с. (араб. яз.).

Цуциев А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М.: Европа, 2006. 128 с., ил.

Bobrovnikov V. Arabic in the Early Soviet Caucasus: Nadhir al-Durgili's *The Delight of Minds in the Biographies of Daghestani Scholars* (1920s–1930s) // *Russian-Arab Worlds. A Documentary History*. Ed. by E. Kane, M. Kirasirova, M. Litvin. New York: Oxford University Press, 2023. Pp. 161–175.

Burbank J., Cooper F. *Empires in World History. Power and the Politics of Difference*. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2010. 511 p.

Geertz C. *After the Fact. Two Countries, Four Decades, One Anthropologist*. Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press, 1995. 198 p.

Jersild A. *Orientalism and Empire. North Caucasus Mountain Peoples and the Georgian Frontier, 1845–1917*. Montreal; London: McGill-Queen's University Press, 2002. 253 p.

Longuet Marx F. Le retour de l'imam // *Les Nouveaux Mondes. Caucase. Axes anciens, nouveaux enjeux*. 1998. Vol. 8. Pp. 165–181.

Martin T. *The Affirmative Action Empire. Nations and nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2001. 496 p.

The Invention of Tradition. Ed. by E. Hobsbawm and T. Renger. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 320 p.

REFERENCES

- Aglarov M.A. *Sel'skaia obschina v Nagornom Dagestane XVII–nachala XIX v.* [Village community in Highland Dagestan in the 17th – the beginning of the 19th centuries]. Moscow: Nauka, 1988. 240 p. (in Russian).
- Akty, sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei* [Historical acts collected by the Caucasian Archeographic Commission] (AKAK). Tiflis: Printing House of General-Governor's Office in the Caucasus, 1904. Vol. XII. 1552 p. (in Russian, Arabic, Turkic, and Persian)
- Alpatov V.M. *150 yazykov i politika. 1917–2000. Sotsiolingvisticheskie problemy SSSR i postsovetского prostranstva* [150 languages and politics, 1917–2000. Social linguistic issues of the USSR and the post-Soviet space]. 2nd ed. Moscow: Kraft+; Institute of Oriental studies, 2000. 224 p. (in Russian).
- Baberovskii Y. *Vrag est' vezde. Stalinizm na Kavkaze* [The Enemy is everywhere. Stalinism in the Caucasus]. Moscow: ROSSPEN, 2010. 855 p. (in Russian).
- Bezzugol'nyi A. *"Istochnik dopolnitel'noi moscsci Krasnoi Armii..."*. *Natsional'nyi vopros v voennom stroitel'stve SSSR. 1922–1945* ["The Source of additional force of the Red Army...". National question in the military building of the USSR. 1922–1945]. Moscow: ROSSPEN, 2016. 271 p. (in Russian).
- Bobrovnikov V.O. *Musul'mane Severnogo Kavkaza: obychai, pravo, nasilie (Ocherki po istorii i rtnografii prava Nagornogo Dagestana)* [The North Caucasus Muslims: Custom, law and violence (Essays on history and anthropology of law in Highland Dagestan)]. Moscow: Vostochnaia literatura, 2002. 368 p. (in Russian).
- Bobrovnikov V.O. *Russkii Kavkaz i frantsuzskii Alzhir: sluchainoe skhodstvo ili obmen opytom kolonial'nogo stroitel'stva* [Russian Caucasus and French Algeria: accidental similarities or exchange of experience in the colonial building], in *Imperium inter pares: Rol' transferov v istorii Rossiiskoi imperii (1700–1917)* [Imperium inter pares: The role of transfers in the history of imperial Russia (1700–1917): collected papers]. Ed. by M. Aust, R. Vulpus, A. Miller. Moscow: NLO, 2020. Pp. 182–209 (in Russian).
- Voronov N.I. *Iz puteshestviia po Dagestanu* [From the Dagestan's travel notes], in *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh* [Collected materials on the Caucasus Highlanders]. Tiflis, 1868, 1870. Issue I. Pt. VI. Pp. 1–36; Issue III. Pt. III. Pp. 1–40 (in Russian).
- Dagirova D.A. *Akhulgo, Dagestan, Kavkaz v tvotchestve Frantsa Rubo* [Akhulgo, Dagestan, and the Caucasus in Franz Rubeau's painting]. Makhachkala: Lotos, 2012. 120 p. (in Russian).
- Zapiska o preobrazovaniakh voenno-narodnykh upravlenii* [Note on transformations of the Military native administrations]. S.p., s.d. 121 p. (in Russian).
- Institut istorii, arkheologii, i etnografii; Institut yazyka, literatury i iskustva im. G. Tsadasy. 1924–2014 gg. K 90-letiiu so dnia osnovaniia. Dokumenty i materialy* [Institute of History, Archeology, and Ethnography; G. Tsadasa Institute of Language, Literature, and Arts. 1924–2014. To the 90th anniversary. Deeds and data]. Makhachkala: Nauka-Dagestan: 2014. 410 p. (in Russian).
- Lavrov L.I. *Etnografiia Kavkaza (po polevym materialam 1924–1978 gg.)* [Ethnography of the Caucasus (After field materials dating 1924–1978)]. Leningrad: Nauka, 1982. 224 p. (in Russian).

Manyshev S.B. Zemlianka Petra I v Derbente. Udivitel'nyi istoricheskii pamiatnik XVIII veka, vosstanovlennyy v XXI stoletii [Peter the Great's hut in Derbent. The awesome historical monument dating the 18th century and restored in the 21st century], in *Rodina*. 2022. No. 11. Pp. 102–105 (in Russian).

Miller A.I. Sovetskoe nasledie "imperii pozitivnogo deistviia" [Soviet legacy of the "Affirmative action empire"], in *Politicheskaia nauka* [Political science]. 2004. No. 3. Pp. 57–69 (in Russian).

Muftiati Respubliki Dagestan. [Fetva:] *Portrety pravednikov i bogoslovov* [Muftiate of the Republic of Dagestan. Fatwa on making the portraits of righteous people and theologians]. Available at: <https://muftiyatrd.ru/fatawa/portrety-pravednikov-i-bogoslovov> (accessed 15 February 2023).

Narody Rossii: entsiklopedia [Peoples of Russia: Encyclopaedy]. Editor in chief V.A. Tishkov. Moscow: Bol'shaia rossiiskaia entsiklopedia, 1994. 479 p. (in Russian).

Scientific archive of the Institute of History, Archeology, and Ethnography (NA IIAE). F. 5. Inv. 1. D. 60.

Posemnye spiski naseleniia Dagestanskoi oblasti 1886 goda i perepisi naseleniia 1897 and 1926 godov: statisticheskii spravochnik [Family lists of the population of the Dagestan province in 1886 and the Population censuses of 1897 and 1926: statistical reference books]. Comp. by M.K. Nagieva, ed. by A.I. Osmanov. Makhachkala: Nauka plus, 2005. 120 p. (in Russian).

Severnyi Kavkaz v sostave Rossiiskoi imperii [The North Caucasus as apart of Imperial Russia]. Ed. by Bobrovnikov V.O., Babich I.L. Moscow: NLO, 2007. 460 p. (in Russian).

Hadhihi qawa'id fi bayan jama'at qura wilayat al-Daghistan wa fi tadbir umuri-him wa-l' huquq al-wajiba 'ala ahali al-qura li-l' fadishahiyya wa li-l' jama'a [Draft regulations explaining village communities, their public administration, public and private duties in the Dagestan Province]. Temir-Khan-Shura: Matba'at Ishtab al-wilaya al-dagistaniya. 1868. 19 p. (in Arabic).

Tsutsiev A. *Atlas etnopoliticheskoi istorii Kavkaza (1774–2004)* [Atlas of social and political history of the Caucasus, 1774–2004]. Moscow: Evropa, 2006. 128 p., ill. (in Russian).

Bobrovnikov V. Arabic in the Early Soviet Caucasus: Nadhir al-Durgili's the Delight of Minds in the Biographies of Daghestani Scholars (1920s–1930s), in *Russian-Arab Worlds. A Documentary History*. Ed. by E. Kane, M. Kirasirova, M. Litvin. New York: Oxford University Press, 2023. Pp. 161–175.

Burbank J., Cooper F. *Empires in World History. Power and the Politics of Difference*. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2010. 511 p.

Geertz C. *After the Fact. Two Countries, Four Decades, One Anthropologist*. Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press, 1995. 198 p.

Jersild A. *Orientalism and Empire. North Caucasus Mountain Peoples and the Georgian Frontier, 1845–1917*. Montreal; London: McGill-Queen's University Press, 2002. 253 p.

Longuet Marx F. Le retour de l'imam, in *Les Nouveaux Mondes. Caucase. Axes anciens, nouveaux enjeux*. 1998. Vol. 8. Pp. 165–181.

Martin T. *The Affirmative Action Empire. Nations and nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2001. 496 p.

The Invention of Tradition. Ed. by E. Hobsbawm and T. Renger. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 320 p.

Статья принята к публикации 14.02.2023

DOI 10.18522/2500-3224-2023-1-218-233

УДК 94 (479)

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА КАВКАЗЕ В 1840–1850-х гг.: ПОИСК РОССИЙСКОЙ АДМИНИСТРАЦИЕЙ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ПОДХОДОВ К ПРЕОБРАЗОВАНИЯМ

Колесникова Марина Евгеньевна

Северо-Кавказский федеральный университет,

Ставрополь, Россия

kolesnikovam2017@mail.ru

Кузьминов Петр Абрамович

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,

Кабардино-Балкарский научный центр РАН,

Нальчик, Россия

petrakis_hist@bk.ru

Аннотация. В статье рассматриваются интеграционные и модернизационные процессы на Кавказе в период вхождения региона в политическое, административно-правовое, экономическое и социокультурное пространство Российской империи в середине XIX в., альтернативные подходы российской администрации к преобразованиям в Кавказском крае в условиях Кавказской войны, поиск оптимальной модели административного управления регионом в период учреждения Кавказского наместничества в 1844–1846 гг. Анализируется распространение ряда имперских практик и технологий управления, норм социального контроля и культурных стандартов в годы наместничества в Кавказском крае князя М.С. Воронцова, являвшегося представителем тех немногих успешных российских администраторов, которые стремились убеждать народы Кавказа, опирались на мирные и созидательные практики взаимодействия русского и кавказского миров, распространяли новые ценности и жизненные устои при сохранении и поддержании социальных практик традиционных горских обществ, предлагали народам Кавказа новые социально-культурные смыслы и открывали возможности дальнейшего совместного существования народов в составе империи.

Ключевые слова: М.С. Воронцов, газета «Кавказ», горские общества, интеграционные процессы, колонизация, Российская империя, Северный Кавказ, трансформация.

INTEGRATION PROCESSES IN CAUCASUS IN 1840s AND 1850s. THE SEARCH FOR ALTERNATIVE APPROACHES TO TRANSFORMATION BY RUSSIAN ADMINISTRATIVE AUTHORITIES

Kolesnikova M.Ye.

North-Caucasus Federal University,
Stavropol, Russia
kolesnikovam2017@mail.ru

Kuzminov P.A.

Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov,
Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Nalchik, Russia
petrakis_hist@bk.ru

Abstract. The article analyses integration and modernization processes in the Caucasus region during its joining the political, administrative and legal, economic and sociocultural space of the Russian Empire in the middle of the 19th century. It also shows the alternative approaches of Russian administrative authorities to transforming the Caucasus region during the Caucasian war and their search for the alternative model of administrating the region during the establishment of the Caucasus Viceroyalty in 1844–1846. The analysis of the imperial governance techniques, social control and cultural standard norms in the Caucasus region during the vicegerency of Prince M.S. Vorontsov is also given. M.S. Vorontsov is described as one of the few successful Russian executives who sought peaceful and constructive means of interaction between the Russian Empire and Caucasus, spread new values and life principles while also maintaining traditions of the mountain peoples, offered the Caucasus peoples new sociocultural meanings and ensured further co-existence of the peoples as parts of the Russian Empire.

Keywords: M.S. Vorontsov, “Kavkaz” newspaper, mountain peoples, integration processes, colonization, Russian Empire, North Caucasus, transformation.

Цитирование: Колесникова М.Е., Кузьминов П.А. Интеграционные процессы на Кавказе в 1840–1850-х гг.: поиск российской администрацией альтернативных подходов к преобразованиям // Новое прошлое / The New Past. 2023. № 1. С. 218–233. DOI 10.18522/2500-3224-2023-1-218-233 / Kolesnikova M.Ye., Kuzminov P.A. Integration Processes in Caucasus in 1840s and 1850s. The Search for Alternative Approaches to Transformation by Russian Administrative Authorities, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2023. No. 1. Pp. 218–233. DOI 10.18522/2500-3224-2023-1-218-233.

© Колесникова М.Е., Кузьминов П.А., 2023

Прежде чем начать анализировать метаморфозы интеграционных процессов, обусловивших вхождение Северного Кавказа в административно-правовое поле России, вспомним строки А.А. Бестужева-Марлинского, воспевшего гимн красоте и величию Кавказа. Он, как античный Овидий, размышляет над превращениями, сопутствующими деятельности человека, и опираясь на западноевропейский опыт, предполагает возможные пути развития цивилизации и будущее Кавказа, связанное с его преобразованием: «Проложите сюда чугунную дорогу, осветите газом пещеры – логовища барсов, нажарьте из них котлет на парах, и постройте гостиницы там, где блестит теперь винтовка горского разбойника, – так будьте уверены что английские милорды и набобы не пожалуют тысячи фунтов стерлингов, за виды, которыми пользуюсь я теперь за восемь копеек на версту» [Бестужев-Марлинский, 1958, с. 206]. И далее: «Придет время, люди заселят твои заветные ущелья и теснины, запылят тебя высевами общественной жизни, загрязнят, притопчут до самой маковки; источат твое сердце рудниками и каменоломнями, извлекут наружу твою внутренности; выворотят, исказят, обстригут тебя; увешают побрякушками своего ничтожества, заставят работать на свою жадность, сделают тебя наемником своих прихотей; принудят водопады твои молоть кофе, и в девственных снегах твоих станут холодить мороженое» [Бестужев-Марлинский, 1958, с. 206]. Таков был прогноз яркого представителя русского романтизма в эпоху военного противостояния в годы Кавказской войны. Стал ли он пророческим?

Каковы же были пути метаморфоз, обусловивших сближение/отталкивание двух разных миров: спокойного, открытого, добродушного мира славян и импульсивного, воинственного вольного мира горцев, исповедовавших презрение к смерти на поле боя и верность дружбе? Что же представляла собой система жизнеобеспечения у народов Северного Кавказа как до А.А. Бестужева-Марлинского, так и после, и какие метаморфозы прошла под влиянием российской цивилизации? Вопросы, на которые еще предстоит дать ответ ученым.

Вхождение народов Северного Кавказа в российское пространство – это длинная череда политических и социокультурных трансформаций, столкновений, конфликтов, поиск мирных и немирных мер, которые испытывали на прочность горский социум, его возможности сопротивления, адаптации и интеграции, видимые успехи на этом пути и их пределы. Одновременно это поиск форм и методов, материальных, военных и духовных сил, чиновников, военачальников внутри и за пределами России, которые смогли бы транслировать новые ценности и мотивации, модернизировать кавказский мир.

Интеграционные процессы на Северном Кавказе, проходившие в условиях Кавказской войны, были представлены разными имперскими практиками и технологиями управления, которые в итоге обеспечили включение региона в состав Российского государства, модернизацию и укрепление его единства. Считаем, что наиболее емко и зримо процессы интеграции проявляются в двух областях бытия социумов: в системе управления и в культуре.

В первой половине XIX в. на Северном Кавказе «в непосредственное взаимодействие вступили общества с различной социальной структурой и хозяйственными

традициями, с качественно разнородными системами» [Боров, 2006, с. 15]. История российско-кавказского/горского взаимодействия достаточно противоречива и многогранна. Это и военное противостояние, и созидательная деятельность, и миграционные, социальные, этнополитические процессы в регионе, и межкультурные коммуникации. Практика этих отношений — чрезвычайно трудная, многофакторная проблема, не имевшая аналогов в истории Отечества. Не случайно ей посвящены тысячи статей, книг, работ, различающихся своими концептуальными подходами. Нужна ли еще одна статья? Да, конечно. Ведь хотим мы этого или нет, постижение настоящего и будущего Кавказа/России представляет собой логически необходимый элемент интерпретации его прошлого, а оно, в свою очередь, определяется актуальными запросами науки, общества, государства. Несмотря на обширную отечественную историографию противоречивого процесса интеграции народов Северного Кавказа в политическое, административно-правовое, экономическое и социокультурное пространство Российской империи в XIX в., требуется новое осмысление ряда аспектов истории российско-северокавказских отношений.

Сложившийся во второй половине XVIII в. характер взаимоотношений горцев и России привел к Кавказской войне, как действенному инструменту, по мнению правительства, включения стратегически важного региона в административно-правовое поле империи. О ней писали, пишут и будут писать историки [Дегоев, 2001; Олейников, 2001; Клычников, 2002; Бегеулов, 2002; Черноус, 2003; Патракова, 2007; Муханов, 2007; Лапин, 2008; Березгов, 2014; Дзамихов, 2014; Матвеев О., 2015; Ткаченко, 2015; Матвеев В., 2017; Урушадзе, 2018]. В контексте наших размышлений важна мысль В.В. Дегоева, во многом отражающая изменения политики России на Кавказе: «Россия, скорее, сама приспособлялась к “периферийным” реалиям, нежели приспособляла их к какому-то единому управленческому стандарту» [Дегоев, 1999, с. 128].

Утверждение России в регионе с помощью военной силы, попытки навязать горцам новые административные учреждения, подчиненные российским властям, переселение в регион казачьих станиц, осязаемая угроза экзистенциальным основам жизни вызвали военную рефлексию горцев. Укрепление империи в Кавказском крае сопровождалось колонизационными процессами, введением правил и элементов иного мира, новых по форме и содержанию отношений. Но при этом, что чрезвычайно важно, сам мир кавказских народов не отменялся и не упразднялся. Его пытались встроить в новое правовое пространство, приспособлявая к российским реалиям.

Вместе с тем, активное неприятие горцами новых порядков воспринималось как заблуждение, от него их надо было освободить с помощью разъяснения благ, которые несла новая власть, а если они не понимали их значимости, то применить силу. Имперская власть, навязывая модели совместного сосуществования по разработанному ею лекалам, желала видеть послушных подданных, чего не хотели принимать многие горцы [Норченко, Айларова, 2013, с. 25]. Определяющей концепцией управления в «мирных обществах» был этатизм и патернализм, т.е. контроль администрации за общественными институтами и отдельными личностями, что было сложно понять местному населению.

Сближение с горскими обществами происходило там, где накал сопротивления снизился, где проживали «мирные» горцы: отдельные группы чеченцев, ингуши, осетины, балкарцы, кабардинцы, карачаевцы, частично бжедуги, бесленеевцы и другие. Здесь создавались российские структуры для управления инородцами: приставства (1769 г.), родовые суды и расправы (1793 г.), Кабардинский временный суд (1822 г.), Чеченский народный суд (1827 г.), Владикавказский и Назрановский инородческий суд (1828 г.), Владикавказский окружной суд (1834 г.), Чеченский народный суд – Мэхкемэ-Чачани (1852 г.) и другие, которые постепенно вводили новые формы управления, суда, жизни. Элементы интеграции входили в жизнь горцев медленно и сложно, как результат, с одной стороны, военного давления, с другой, организации повседневной жизни горцев.

Кавказские власти понимали жизнь автохтонов как неупорядоченность, своевольность, противопоставляя им стабильный порядок в государстве, пропагандируя значимость мирной жизни в условиях империи. Нормы обычного права жителей гор и их бесконечная интерпретация были в числе главных «зол» в понимании администрации, мешавших наведению должного порядка в регионе. Не случайно для минимизации действий норм адата власти разрешили в 1807 г. в Кабарде открыть мехкеме – шариатские суды, а на исходе Кавказской войны ставили вопрос о широком внедрении шариата в судопроизводство горцев. Нужен был хоть какой-то порядок, регулировавший отношения внутри горского социума, даже на основе конкурирующей конфессии, чем нормы обычного права, которые, с точки зрения властей, этому мешали.

В условиях Кавказской войны имперские власти осознали бесперспективность политики военного давления. Опыт общения с горцами показал, что подчинить их силой было сложно. Во многих донесениях военные чиновники отмечали, что требуется изменение стратегических установок. Появились офицеры, которые утверждали, что «невозможно принуждением и грубой силой добиться того, что можно сделать путем любви и доверия к человеку» [Движение горцев..., 1959, с. 347]. Их было немного, но они открыто отстаивали право на жизнь горцев, что вело к постепенной трансформации политики кавказских властей.

Публикация документов в последние десятилетия позволила выявить два противоречивых полюса суждений о Кавказской войне и действиях горцев. С одной стороны, появлялись планы покорения «разбойников», «хищников», «дикарей», которые совершали набеги на мирные села и станицы [Ермолов, 2013], с другой, разрабатывались проекты включения северокавказских горцев в социокультурное пространство империи [Кавказ и Российская империя..., 2005] на основе учета «особости их понятий, нравов и обычаев» [Ольшевский, 2003]. Осознание простого тезиса, что горцы живут по другим нормам и правилам было уже шагом на пути к сближению горских народов и представителей имперской власти.

В армии были офицеры и генералы, понимавшие бессмысленность политики репрессий к жителям гор. Эту когорту воинов Я.А. Гордин назвал «гуманно прагматичной» [Гордин, 2005, с. 566]. К ней можно отнести военачальников А.П. Торماسова [Гапуров, Магамадов, Черноус, 2016, с. 108], Н.Ф. Ртищева, Н.Н. Раевского, М.С. Воронцова

[Лазарян, 2012, 2014]; российских офицеров Г.В. Новицкого, Ф.Ф. Торнау, В.Д. Вольховского, Г.И. Филиппсона, И.И. Ходзько, В.Е. Галямина, И.Ф. Бларамберга, А.А. Неверовского, П.К. Услара, Н.И. Карлгофа [Колосовская, 2015; Ткаченко, Колосовская, 2011]; представителей российской науки [Кузьминов, 2009; Колесникова, 2011]), исследования которых явились важным шагом по интеграции региона в культурное, в том числе интеллектуальное, пространство России. К их числу можно отнести и известных российских поэтов и писателей А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, В.Г. Белинского, А.И. Герцена, Л.Н. Толстого и других [Клычникова, Клычников, 2006; Дударев, Дударев, 2017]. Их произведения явились своеобразными энциклопедиями по Кавказу, которые сформировали его романтический образ в российском обществе. Благодаря их текстам налаживался диалог языков и культур. Внутренней интеграции способствовала деятельность горских просветителей С. Хан-Гирея, С. Казы-Гирея, Ш. Ногмова, Д. Кодзокова и других. Их личными и коллективными усилиями формировалось общественное мнение в России о методах борьбы с горцами, привлекалось внимание к событиям на Кавказе.

Назначение в 1842 г. главнокомандующим войсками на Кавказе генерала А.И. Нейдгарта побудило Николая I разработать инструкцию о формах и методах действий российских властей в регионе, которые должны были изменить ситуацию: «Во-первых, не хочу никаких завоеваний. Во-вторых, необходимо покорение враждебного нам населения Кавказа. В-третьих, хочу упрочения нашего владычества краем. В-четвертых, командующий ласковым, справедливым и строгим соблюдением порядка должен вселять во всех доверенность, уважение и любовь к себе. В-пятых, полезно увеличить число народных и уездных училищ, но воспитание в самом крае никак не должно превышать обыкновенных гимназических степеней; ибо все высшее образование должно быть непременно в России, т.е. в общем корыте Империи. В-шестых, поощрять коммерческие отношения с Россией и др.» [Кавказ и Российская империя..., 2005, с. 380–384]. Это были сложные и внутренне противоречивые задачи. Кавказ требовал огромного количества средств и колоссальных усилий по его включению в состав империи и последующей интеграции кавказского социума, которая в условиях войны была крайне осложнена.

Со второй трети XIX в. в высших кругах руководства государством конкурировали два противоположных подхода к народам Кавказа. Идеологом первого направления был министр финансов (1823–1844 гг.) Е.Ф. Канкрин, который предлагал использовать опыт Англии, т.е. смотреть на горцев, как на покоренные народы Индии или Америки, которые должны обогащать государство, а не требовать огромных затрат. Вторую линию олицетворял главноуправляющий на Кавказе (1831–1837 гг.) генерал Г.В. Розен, считавший, что «взгляд на Кавказ как на Индию или Америку есть преувеличение» [Захарова, 2001, с. 324]. Но и он не смог понять основного значения движения горцев, а значит и предложить четкого решения в урегулировании конфликта [Кондусов, 2016].

Вереница поражений и потерь в первой половине 40-х гг. XIX в. на территории Северо-Восточного и Северо-Западного Кавказа изменили отношение императора к событиям в крае. Жесткий контроль за действиями высших командиров в районе

боевых действий показал его абсолютную неэффективность. В 1844 г. император принял решение изменить не тактику «замирения», а стратегию отношения к непокорному региону, в основе которой было слияние Кавказа с Россией, чтобы «все составляло одно целое» [Высочков, 2003, с. 292].

Новая цель требовала иных исполнителей. Главноуправляющим гражданской частью на Кавказе (с 1845 г. — наместником Кавказским) и главнокомандующим Отдельным Кавказским корпусом 27 декабря 1844 г. был назначен граф М.С. Воронцов (1782–1856), который имел «почти неограниченные полномочия» [Дегоев, 2001, с. 174]. Перед ним стояла задача завершить военные действия в регионе и наладить приемлемые условия жизни для мирных горцев. Наместник Кавказа располагал определенными знаниями о регионе: с 1803 по 1805 гг. он служил на Кавказе, а значит имел представление о противниках/союзниках горцах, обладал огромным опытом административного управления, так как в 1823–1844 гг. был генерал-губернатором Новороссии и Бессарабии.

Его первые шаги были необычны. Он обратился к «жителям Дагестана» и потребовал прекратить военные действия против российской армии, при этом пообещав сохранение «веры, законов, обычаев, имущества и земли» [Акты..., 1885, с. 361], т.е. невмешательство во внутренние дела горских обществ. Воззвание получило поддержку части населения. Имам Шамиль и его радикально настроенное окружение было объявлено вне закона, а мирным жителям обещано сохранение прав собственности на движимое и недвижимое имущество. Известный принцип имперской политики «в здешнем краю и добро надо делать насилуем» уходил в прошлое. Огромный объем полномочий, предоставленный императором М.С. Воронцову, дал возможность изменить формулу освоения Кавказа. Эту эволюцию стратегии осознали многие. Известный военный историк А. Зиссерман, оценивая деятельность М.С. Воронцова на Кавказе, отмечал, что его присутствие дало «краю толчок вперед, к лучшему. Везде... закипела жизнь, дремавшие силы были вызваны наружу; всякий почувствовал потребность если не делать, то хотя бы заявить о чем-нибудь полезном» [Зиссерман, 1879, с. 74].

Конечно, военные планы, как средство «замирения» горцев по-прежнему преобладали. Но многие офицеры и чиновники поняли высокую значимость административно-судебных, экономических и просветительских программ в регионе, необходимость перехода к политике «понимания» по отношению к горцам, что вело к сближению и сотрудничеству. Чтобы оно было реальным, М.С. Воронцов потребовал выяснить причины конфликтов горцев и местных властей, причем его интересовали не суждения администрации, а мнение горских обществ.

Такая форма общения вызвала бурную реакцию. В аулах было проведено обсуждение проблем взаимоотношений с местными чиновниками: приставами, руководством кордонных линий, народными судами. В многочисленных прошениях жителей тагаурского, куртатинского, алагирского, цимитинского, джераховского, назрановского, кистинского, галгаевского, карабулакского обществ были указаны проблемы, требовавшие срочного решения [ЦГА РСО-Алания, ф. 233, оп. 1, ед. хр. 3,

л. 1–31]. Во-первых, закрепить родовые земли, которыми они владели по нормам обычного права, в потомственную собственность на основе российских законов. Во-вторых, дать права российских дворян владельцам аулов и старшинам. В-третьих, расширить возможности для обучения их детей в России. В-четвертых, вернуть в родные аулы горцев, сосланных за преступления в Россию. В-пятых, упразднить положение, по которому по подозрению в совершении преступления администрация наказывала весь аул, а не конкретного виновника. В-шестых, выплачивать горцам денежную компенсацию за нанесенный ущерб сенокосам и посевам воинскими частями и др. По нашим подсчетам, в Центральном государственном архиве Республики Северной Осетии – Алании (ЦГА РСО-Алания) таких прошений, как индивидуальных, так и фамильных, отложилось несколько тысяч [Народы..., 2005, с. 368]. Массовый характер прошений, с одной стороны, доказывает возникновение особой формы социокультурного диалога между населением и властями, с другой, позволяет выявить механизм регулирования наиболее важных проблем горцев и степень эффективности их решения. Около 70% всех заявлений были посвящены аграрному и сословному вопросу. По приказу М.С. Воронцова во Владикавказе, Нальчике, Хасавюрте, Грозном были открыты учреждения, которые должны были подготовить варианты решения заявленных вопросов [Кузьминов, 2005]. Тщательная проработка конкретных проблем жизни горцев наглядно доказывает желание властей создать новые механизмы взаимоотношений с коренными жителями края.

При активном содействии М.С. Воронцова значительно расширились географические рамки социокультурного диалога на Кавказе. В 1848 г. был учрежден Кавказский учебный округ, призванный обеспечить развитие начального и среднего образования в крае. Управляющий учебным округом должен был организовать изучение русского языка автохтонами и «обучение всех русских учеников хотя бы одному из туземных языков» [Клычникова, Клычников, 2006, с. 141]. Реализация этой задачи, несомненно, сблизила бы горцев с русским населением, с российской администрацией, поскольку знание языка создавало необходимые условия для поиска взаимоприемлемых решений. В результате на Северном Кавказе был открыт ряд начальных и средних школ, в которых учили кавказские и русский языки [Кумыков, 2002, с. 349], сыгравших определенную роль в реальной интеграции горских народов в состав России. Просветительская деятельность явилась одним из важнейших компонентов политики на Кавказе, а российская культура стала той средой, которая способствовала налаживанию диалога и развитию русско-северокавказских связей.

В 1846 г. по инициативе М.С. Воронцова в Тифлисе стала издаваться первая общекавказская газета «Кавказ» (1846–1917), которая «должна была познакомить своих читателей с краем, находившимся почти в младенческом состоянии и малоизвестном» [Кавказ, 1846]. В газете, помимо официальных распоряжений властей, публиковались разнообразные материалы о материальной и духовной культуре горских народов, их традициях, верованиях, общественном устройстве. По рекомендации М.С. Воронцова редактором газеты был назначен О.И. Константинов, известный знаток жизни и обычаев народов Кавказа. Наблюдая быт черкесов Северо-Западного Кавказа, он написал очерк, более похожий на поэму: «Сколько удивительного

и достойного изучения, мы найдем в этом народе. Характеры истинно рыцарские, герои, исполненные доблести, чести, ума и высокого красноречия; воспитание и презрение всех слабостей тела и духа. Народ, не имевший письменности, передающий из рода в род в своих песнях историю, законы, мысли и чувствования. Изощрение дара слова положено у него в основание воспитания и, красноречие гремело на народных съездах, а песня звучала над прахом каждого замечательного человека. Каждый, умирая, уже слышал хвалебный гимн себе, или порицание соотечественников и мысль, что скажут обо мне, сторожила всякого в его славных и бесславных деяниях» [Константинов, 1847, с. 19]. Уважительное отношение редактора газеты к горцам обусловило тематику и направленность издания, способствовало формированию у читателей благожелательного отношения к жителям гор. Газета «Кавказ» стала настоящей трибуной для провинциальных исследователей, историков-любителей, этнографов, краеведов. Открытая позиция редакции газеты, ее отношение к судьбе горцев, было поддержано прогрессивной частью российской интеллигенции. На страницах газеты печатали свои работы ученые, просветители, писатели Кавказа и России. Оценивая газету «Кавказ», литературный критик В.Г. Белинский отмечал, что ее публикации ограничивали возможности военного командования решать вопросы взаимоотношений с горцами только с помощью оружия [Белинский, 1956, с. 58].

Неэффективность военных операций обусловила привлечение ученых к изучению духовных скреп горцев, объединивших их в борьбе за суверенитет и свободу. В Тифлис был приглашен полковник Н. Торнау. В 1850 г. он издал книгу «Изложение начал мусульманского законовещения», в которой излагались основные начала мусульманского законовещения. «Главная цель настоящего труда, – подчеркивал Н. Торнау, – его практическая ценность в управлении мусульманскими народами Империи и ознакомление правительственных лиц, администраторов и судей с освященными религией и вполне проникнутыми духом оной гражданскими законами последователей ислама» [Олейников, 2001, с. 84]. Отмечая практическое значение труда, ученый предложил использовать его в работе по реформированию судопроизводства у народов Северного Кавказа.

С целью распространения идей мира среди населения региона, М.С. Воронцов обратился в Кавказский комитет с просьбой о привлечении крымского муфтия Кади Эскер Сеид Халил Эфенди и его четырех помощников «к увещеванию мюридов и горцев расположиться к России» [Движение горцев, 1959, с. 484].

По личной просьбе М.С. Воронцова, с аналогичной целью на Кавказ был направлен ученый-востоковед Н.В. Ханьков. Будучи чиновником по особым поручениям при наместнике Кавказском, он занимался изучением духовной жизни и культуры местного населения, изучал особенности распространения ислама на Кавказе. Его статьи «Перевод мусульманских постановлений о войне» («Кавказ», 1846, №№ 20–21), «О мюридах и мюридизме» («Сборник газеты “Кавказ”», 1848, с. 136–166) содержат интересный материал об исламе, основах тариката и религиозной подоплеке противостояния горцев и Российской империи. В 1848 г. по распоряжению

М.С. Воронцова он совершил поездки по районам Закавказья с целью сбора сведений о мусульманском духовенстве. Н.В. Ханьков одним из первых потребовал учитывать религиозные аспекты миропонимания горцев при реализации политики России в крае.

Объемы статьи не позволяют отразить все мероприятия и направления деятельности князя М.С. Воронцова на Кавказе. Военное давление в сочетании с «мягкой силой» его либеральных подходов изменило характер взаимоотношений российских властей и горцев. Последовательная работа имперских властей по изменению сложившегося порядка, основанного на разумных основаниях полиюридизма, т.е. сочетания норм российского законодательства, норм обычного права и норм шариата, объективная потребность горцев в мирной жизни, спокойном труде, социокультурные практики, развернувшийся межкультурный диалог способствовали успешному вхождению горских народов в административно-правовое и социокультурное пространство России. Подчеркнем, что в ходе многовековой «притирки» народов и властей адаптировались к новым условиям не только этнические и социальные общности, видоизменялась и система управления, постоянно реформирувавшаяся сверху и пытавшаяся усилиями талантливых чиновников объединить горцев с другими народами империи в единое целое.

Изменение стратегии взаимоотношений с горскими народами в первой середине XIX в. в большей степени, чем военные успехи способствовала победе империи. Российский имперский проект предложил народам Кавказа стабильность, порядок, мир, безопасность, благополучие, просвещение, что в итоге и определило выбор горцев. Постепенное приобщение местных народов к российской действительности, новым ценностям, преодоление кризиса и налаживание межкультурного диалога подсаживали Петербургу то стратегическое направление, в котором должна была развиваться российская политика на Кавказе в последующие периоды [Дегоев, 2004, с. 29].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Акты Кавказской археографической комиссии. В 12 т. Т. 10. Тифлис: Типография Главного управления наместника Кавказского, 1885. 938 с.

Бегеулов Р.М. Карачай в Кавказской войне XIX века. Черкесск: Карачаево-черкес. ист.-культур. и природ. музей-заповедник, 2002. 178 с.

Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года // *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. В 13 т. Т. 10. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953–1959. 1956. С. 51–59.

Березгов Б.Н. Кавказская война в турецкой историографии // *Кавказская война: события, факты, уроки. Материалы международной научной конференции (г. Нальчик 15–19 октября 2014 г.)*. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2014. С. 23–34.

Бестужев-Марлинский А.А. Горная дорога из Дагестана в Ширван через Кунакенты // *Бестужев-Марлинский А.А.* Сочинения в двух томах. Т. 2. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. С. 202–208.

- Боров А.Х. Северный Кавказ: социокультурные механизмы исторического процесса // *Исторический вестник КБИГИ*. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2006. № 3. С. 3–55.
- Высочков Л.В. Николай I. М.: Молодая гвардия, 2003. 694 с.
- Гапуров Ш.А., Магамадов С.С., Черноус В.В. Российская политика в Чечне в период наместничества А. П. Тормасова // *Научная мысль Кавказа*. 2016. № 4. С. 106–112.
- Гордин Я.А. Россия на Кавказе: поиски решения // *Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность*. СПб.: Звезда, 2005. 720 с.
- Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-х годах XIX века. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1959. 785 с.
- Дегоев В.В. Кавказ в структуре Российской государственности // *Вестник института цивилизации*. Вып. 2. 1999. С. 128–161.
- Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М.: Русская панорама, 2001. 448 с.
- Дегоев В.В. Кавказ в составе России: формирование имперской идентичности (первая половина XIX в.) // *Кавказский сборник*. М.: Русская панорама, 2004. Т. 1(33). С. 28–47.
- Дзамихов К.Ф. Кавказская война: некоторые историографические итоги и концептуальные проблемы изучения // *Кавказская война: актуальные проблемы исторического дискурса (к 150-летию окончания)*. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. С. 3–14.
- Дударев Д.С., Дударев С.Л. Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины–середины XIX века. Армавир; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2017. 402 с.
- Ермолов А.П. Записки русского генерала // Алексей Ермолов. М.: Эксмо, 2013. 464 с.
- Захарова О.Ю. Генерал фельдмаршал светлейший князь М.С. Воронцов. Рыцарь Российской империи. М.: Центрполиграф, 2001. 381 с.
- Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе. Ч. 1. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1879. 424 с.
- Кавказ. 1846. № 1.
- Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. СПб.: Звезда, 2005. 720 с.
- Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2002. 493 с.
- Клычникова М.В., Клычников Ю.Ю. Вхождение Северного Кавказа в культурное поле России (1777–1864 гг.). Пятигорск: ИП Филиппов, 2006. 157 с.
- Колесникова М.Е. Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII–начало XX века. 2-е изд., доп. Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2011. 495 с.

- Колосовская Т.А. Российские военные в социокультурном пространстве Северного Кавказа XVIII–XIX вв. М.: Каллиграф, 2015. 240 с.
- Кондусов В.С. Военно-политическая ситуация на Кавказе во второй половине 1830-х гг. // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2016. Т. 8. № 4. С. 34–38.
- Константинов О.И. Очерк северной стороны Кавказа // Сборник газеты «Кавказ». Первое полугодие 1847 г. Тифлис: Типография Канцелярии Наместника Кавказского, 1847. С. 10–25.
- Кузьминов П.А. Работа сословно-поземельных комиссий и комитетов в 40–70-х годах XIX века в Центральном Предкавказье // *Вестник Дагестанского научного центра РАН*. 2005. № 22. С. 69–76.
- Кузьминов П.А. Эпоха реформ 50–70-х годов XIX века у народов Северного Кавказа в дореволюционном кавказоведении. Нальчик: Каб.-Бал. ун-т, 2009. 236 с.
- Кумыков Т.Х. Общественная мысль и просвещение адыгов и балкаро-карачаевцев в XIX–начале XX в. Нальчик: Эльбрус, 2002. 446 с.
- Лазарян С.С. Военно-политическая и административно-правовая деятельность князя М.С. Воронцова в Кавказском крае. 1845–1854 гг. Пятигорск: ПГЛУ, 2012. 323 с.
- Лазарян С.С. Экономическая, социальная и этноконфессиональная политика князя М.С. Воронцова в Кавказском крае. 1845–1854 гг. Пятигорск: ПГЛУ, 2014. 398 с.
- Лапин В.В. Новейшая историография Кавказской войны // *Отечественная история*. 2008. № 5. С. 179–184.
- Матвеев В.А. Кавказская война дискуссионные аспекты и реалии эпохи. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2017. 164 с.
- Матвеев О.В. Кавказская война: от фронта к фронтиру. Историко-антропологические очерки. Краснодар: Эдви, 2015. 272 с.
- Муханов В.М. Покоритель Кавказа князь А.И. Барятинский. М.: Центрполиграф, 2007. 429 с.
- Народы Центрального Кавказа в 40–начале 60-х годов XIX века. Сборник документальных материалов в 2 т. Сост. Кузьминов П.А., Мальбахов Б.К. Т. 1. М.: Поматур, 2005. 478 с.
- Норченко Е.А., Айларова С.А. Модернизация Северного Кавказа в 20–50-е годы XIX века. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2013. 284 с.
- Олейников Д.И. Россия в Кавказской войне: поиски понимания // *Россия и Кавказ сквозь два столетия*. СПб.: Звезда, 2001. С. 69–90.
- Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 год. СПб.: Звезда, 2003. 608 с.
- Патракова В.Ф. Проблемы истории Кавказской войны XIX века в зеркале современных подходов // *Актуальные и дискуссионные проблемы истории Северного Кавказа*. Вып. 45. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2007. С. 78–87.
- Ткаченко Д.С., Колосовская Т.А. «Мы на Кавказе воевали не для того, чтобы разбить неприятеля и уйти...»: социокультурная деятельность Кавказской армии: (по воспоминаниям и исследованиям современников). Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. 304 с.

Ткаченко Д.С. Становление российского ориентализма в контексте Кавказской войны // Кавказский сборник. Т. 9(41) / Под ред. В.В. Дегоева. М.: Русская панорама, 2015. С. 234–249.

Урушадзе А.Т. Кавказская война: семь историй. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 332 с.

Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (ЦГА РСО-Алания. Ф. 233. Оп. 1. Ед. хр. 3).

Черноус В.В. Отечественная историография народно-освободительных движений на Северном Кавказе в 20–50 годах XIX в.: наука в контексте политического процесса // Научная мысль Кавказа. 2003. № 1. С. 53–61.

REFERENCES

- Akty Kavkazskoy arheograficheskoy komissii* [Acts of the Caucasian Archeographic Commission]. In 12 vol. Tiflis: Tipografiya Glavnogo upravleniya namestnika Kavkazskogo, 1885. Vol. 10. 938 p. (in Russian).
- Begeulov R.M. *Karachay v Kavkazskoy voyne XIX veka* [Karachai in the Caucasian war of the XIX century]. Cherkessk: Karachaevo-cherkes. ist.-kul'tur. i prirod. muzey-zapovednik, 2002. 178 p. (in Russian).
- Belinsky V.G. *Vzglyad na russkuyu literaturu 1847 goda* [A look at Russian literature of 1847], in Belinsky V.G. *Poln. sobr. soch* [Full comp. of writings]. In 13 vol. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1953–1959. Vol. 10. 1956. Pp. 51–59 (in Russian).
- Berezgov B.N. *Kavkazskaya voyna v turetskoy istoriografii* [The Caucasian war in Turkish historiography], in *Kavkazskaya voyna: sobytiya, fakty, uroki. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (g. Nal'chik 15–19 oktyabrya 2014 g.)* [The Caucasian War: events, facts, lessons. Materials of the international scientific conference (Nalchik, October 15–19, 2014)]. Nalchik: Izdatel'skiy otdel KBIGI, 2014. Pp. 23–34 (in Russian).
- Bestuzhev-Marlinsky A.A. *Gornaya doroga iz Dagestana v Shirvan cherez Kunakenty* [Mountain road from Dagestan to Shirvan via Kunakenty], in Bestuzhev-Marlinsky A.A. *Sochineniya v dvukh tomakh* [Works in two volumes]. Vol. 2. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury, 1958. Pp. 202–208 (in Russian).
- Borov A.H. *Severnyy Kavkaz: sotsiokul'turnyye mekhanizmy istoricheskogo protsessa* [North Caucasus: socio-cultural mechanisms of the historical process], in *Istoricheskij vestnik KBIGI*. Nal'chik: Izdatel'skiy tsentr "El'-Fa", 2006. No. 3. Pp. 3–55 (in Russian).
- Vyskochkov L.V. *Nikolay I* [Nikolay I]. Moscow: Molodaya gvardiya, 2003. 694 p. (in Russian).
- Gapurov Sh.A., Magamadov S.S., Chernous V.V. *Rossiyskaya politika v Chechne v period namestnichestva A. P. Tormasova* [Russian politics in Chechnya during the viceroyalty of A. P. Tormasov], in *Scientific Thought of the Caucasus*. 2016. No. 4. Pp. 106–112 (in Russian).

Gordin Ya.A. Rossiya na Kavkaze: poiski resheniya [Russia in the Caucasus: the search for a solution]. in *The Caucasus and the Russian Empire: Projects, ideas, illusions and reality*. St. Petersburg: Zvezda, 2005. 720 p. (in Russian).

Dvizheniye gortsev Severo-Vostochnogo Kavkaza v 20–50-kh godakh XIX veka [The movement of the highlanders of the North-Eastern Caucasus in the 20–50s of the XIX century]. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1959. 785 p. (in Russian).

Degoev V.V. Kavkaz v strukture Rossiyskoy gosudarstvennosti [The Caucasus in the structure of Russian statehood], in *Vestnik instituta tsivilizatsii*. Is. 2. Vladikavkaz, 1999. Pp. 128–161 (in Russian).

Degoev V.V. *Bol'shaya igra na Kavkaze: istoriya i sovremennost'* [The Big Game in the Caucasus: history and modernity]. Moscow: Russkaya panorama, 2001. 448 p. (in Russian).

Degoev V.V. Kavkaz v sostave Rossii: formirovaniye imperskoy identichnosti (pervaya polovina XIX v.) [The Caucasus as part of Russia: formation of imperial identity (the first half of the XIX century)], in *Kavkazskiy sbornik*. Moscow: Russkaya panoram, 2004. Vol. 1(33). Pp. 28–47 (in Russian).

Dzamikhov K.F. Kavkazskaya voyna: nekotoryye istoriograficheskiye itogi i kontseptual'nyye problemy izucheniya [The Caucasian War: some historiographical results and conceptual problems of study], in *Kavkazskaya voyna: aktual'nye problemy istoricheskogo diskursa (k 150-letiyu okonchaniya)* [The Caucasian War: actual problems of historical discourse (to the 150th anniversary of the end)]. Nalchik: Izdatel'skiy otdel KBIGI RAN, 2014. Pp. 3–14 (in Russian).

Dudarev D.S., Dudarev S.L. *Severnnyy Kavkaz glazami predstaviteley rossiyskogo obshchestva pervoy poloviny–serediny XIX veka* [The North Caucasus through the eyes of representatives of Russian society in the first half–middle of the 19th century]. Armavir; Stavropol: Dizayn-studiya B, 2017. 402 p. (in Russian).

Ermolov A.P. Zapiski russkogo generala [Notes of a Russian general], in *Alexey Ermolov*. Moscow: Eksmo, 2013. 464 p. (in Russian).

Zakharova O.Y. *General fel'dmarshal svetleyshiy knyaz' M.S. Vorontsov. Rytsar' Rossiyskoy imperii* [General Field Marshal His Serene Highness Prince M.S. Vorontsov. Knight of the Russian Empire]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2001. 381 p. (in Russian).

Zisserman A.L. *Dvadtsat' pyat' let na Kavkaze* [Twenty-five years in the Caucasus]. Part 1. St. Petersburg: Tip. A.S. Suvorina, 1879. 424 p. (in Russian).

Kavkaz [Caucasus]. 1846. No. 1.

Kavkaz i Rossiyskaya imperiya: proyekty, idei, illyuzii i real'nost' [The Caucasus and the Russian Empire: projects, ideas, illusions and reality]. St. Petersburg: Zvezda, 2005. 720 p. (in Russian).

Klychnikov Yu.Yu. *Rossiyskaya politika na Severnom Kavkaze (1827–1840 gg.)* [Russian politics in the North Caucasus (1827–1840)]. Pyatigorsk: Izd-vo PGLU, 2002. 493 p. (in Russian).

- Klychnikova M.V., Klychnikov Yu.Yu. *Vkhozheniye Severnogo Kavkaza v kul'turnoye pole Rossii (1777–1864 gg.)* [The entry of the North Caucasus into the cultural field of Russia (1777–1864)]. Pyatigorsk: IP Filippov, 2006. 157 p. (in Russian).
- Kolesnikova M.E. *Severokavkazskaya istoriograficheskaya traditsiya: vtoraya polovina XVIII–nachalo XX veka*. [North Caucasian historiographical tradition: the second half of the 18th–early 20th century]. 2nd ed., add. Stavropol: Publishing House of the Stavropol State University, 2011. 495 p. (in Russian).
- Kolosovskaya T.A. *Rossiyskiye voyennyye v sotsiokul'turnom prostranstve Severnogo Kavkaza XVIII–XIX vv.* [Russian military in the socio-cultural space of the North Caucasus of the 18th–19th centuries]. Moscow: Kalligraf, 2015. 240 p. (in Russian).
- Kondusov V.S. *Voyenno-politicheskaya situatsiya na Kavkaze vo vtoroy polovine 1830-kh gg.* [The military-political situation in the Caucasus in the second half of the 1830s], in *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. 2016. Vol. 8. No. 4. Pp. 34–38 (in Russian).
- Konstantinov O.I. *Ocherk severnoy storony Kavkaza* [An essay on the north side of the Caucasus], in *Sbornik gazety "Kavkaz". Pervoe polugodie 1847 g.* [Collection of the newspaper "Caucasus". The first half of 1847]. Tiflis: Tipografiya Kantselyarii Namestnika Kavkazskogo, 1847. Pp. 10–25 (in Russian).
- Kuzminov P.A. *Rabota soslovno-pozemel'nykh komissiy i komitetov v 40–70-kh godakh XIX veka v Tsentral'nom Predkavkaz'ye* [The work of estate-land commissions and committees in the 40–70-ies of the 19th century in the Central Pre-Caucasus], in *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra RAN*. 2005. No. 22. Pp. 69–76 (in Russian).
- Kuzminov P.A. *Epokha reform 50–70-kh godov XIX veka u narodov Severnogo Kavkaza v dorevolyutsionnom kavkazovedenii* [The era of reforms of the 50–70s of the 19th century among the peoples of the North Caucasus in pre-revolutionary Caucasian studies]. Nalchik: Kab.-Bal. un-t, 2009. 236 p. (in Russian).
- Kumykov T.H. *Obshchestvennaya mysl' i prosveshcheniye adygov i balkaro-karachayevtsev v XIX–nachale XX v.* [Public thought and enlightenment of the Adygs and Balkars-Karachais in the 19th–early 20th century]. Nalchik: Elbrus, 2002. 446 p. (in Russian).
- Lazaryan S.S. *Voyenno-politicheskaya i administrativno-pravovaya deyatel'nost' knyazya M.S. Vorontsova v Kavkazskom kraye. 1845–1854 gg.* [Military-political and administrative-legal activity of Prince M.S. Vorontsov in the Caucasus region. 1845–1854]. Pyatigorsk: PGLU, 2012. 323 p. (in Russian).
- Lazaryan S.S. *Ekonomicheskaya, sotsial'naya i etnokonfessional'naya politika knyazya M.S. Vorontsova v Kavkazskom kraye 1845–1854* [Economic, social and ethno-confessional policy of Prince M.S. Vorontsov in the Caucasus Region. 1845–1854]. Pyatigorsk: PGLU, 2014. 398 p. (in Russian).
- Lapin V.V. *Noveyshaya istoriografiya Kavkazskoy voyny* [The newest historiography of the Caucasian war], in *Otechestvennaya istoriya*. 2008. No. 5. Pp. 179–184 (in Russian).
- Matveev V.A. *Kavkazskaya voyna diskussionnyye aspekty i realii epokhi* [The Caucasian War debatable aspects and realities of the epoch]. Rostov-on-Don; Taganrog: Southern Federal University Press, 2017. 164 p. (in Russian).

Matveev O.V. *Kavkazskaya voyna: ot fronta k frontiru. Istoriko-antropologicheskie ocherki* [The Caucasian War: from front to frontier. Historical and anthropological essays]. Krasnodar: Edvi, 2015. 272 p. (in Russian).

Mukhanov V.M. *Pokoritel' Kavkaza knyaz' A.I. Baryatinskiy* [The Conqueror of the Caucasus Prince A.I. Baryatinsky]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2007. 429 p. (in Russian).

Narody Tsentral'nogo Kavkaza v 40–nachale 60-kh godov XIX veka [The peoples of the Central Caucasus in the 40s–early 60s of the 19th century]. Collection of documentary materials in 2 vol. Comp. Kuzminov P.A., Malbakhov B.K. Moscow: Pomatur, 2005. Vol. 1. 478 p. (in Russian).

Norchenko E.A., Aylarova S.A. *Modernizatsiya Severnogo Kavkaza v 20–50-ye gody XIX veka* [Modernization of the North Caucasus in the 20–50s of the 19th century]. Vladikavkaz: CPI SOIGSI VNC RAS and RSO-A, 2013. 284 p. (in Russian).

Oleynikov D.I. *Rossiya v Kavkazskoy voyne: poiski ponimaniya* [Russia in the Caucasian War: the search for understanding], in *Rossiya i Kavkaz skvoz' dva stoletiya*. St. Petersburg: Zvezda, 2001. Pp. 69–90 (in Russian).

Olshevsky M.Ya. *Kavkaz s 1841 po 1866 god* [The Caucasus from 1841 to 1866]. St. Petersburg: Zvezda, 2003. 608 p. (in Russian).

Patrakova V.F. *Problemy istorii Kavkazskoy voyny XIX veka v zerkale sovremennykh podkhodov* [Problems of the history of the Caucasian war of the 19th century in the mirror of modern approaches], in *Aktual'nye i diskussionnye problemy istorii Severnogo Kavkaza* [Actual and debatable problems of the history of the North Caucasus]. Is. 45. Rostov-on-Don: Izd-vo SKNTs VSh YuFU, 2007. Pp. 78–87 (in Russian).

Tkachenko D.S., Kolosovskaya T.A. *“My na Kavkaze voyevali ne dlya togo, chtoby razbit' nepriyatelya i uyti...”: sotsiokul'turnaya deyatel'nost' Kavkazskoy armii: (po vospominaniyam i issledovaniyam sovremennikov)* [“We did not fight in the Caucasus in order to defeat the enemy and leave...”: socio-cultural activities of the Caucasian Army: (according to the memoirs and research of contemporaries)]. Stavropol: Izd-vo SGU, 2011. 304 p. (in Russian).

Tkachenko D.S. *Stanovleniye rossiyskogo oriyentalizma v kontekste Kavkazskoy voyny* [The formation of Russian orientalism in the context of the Caucasian War], in *Kavkazskiy sbornik* [Caucasian Collection]. Vol. 9(41). Ed. by V.V. Degoev. Moscow: Russkaya panorama, 2015. Pp. 234–249 (in Russian).

Urushadze A.T. *Kavkazskaya voyna: sem' istoriy* [The Caucasian War: seven stories]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. 332 p (in Russian).

Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya – Alaniya. [Central State Archive of the Republic North Ossetia–Alania] (CGA RSO-Alania). F. 233. Inv. 1. D. 3.

Chernous V.V. *Otechestvennaya istoriografiya narodno-osvoboditel'nykh dvizheniy na Severnom Kavkaze v 20–50 godakh XIX v.: nauka v kontekste politicheskogo protsesssa* [Domestic historiography of the People's liberation movements in the North Caucasus in the 20–50 years of the 19th century: science in the context of the political process], in *Scientific Thought of the Caucasus*. 2003. No. 1. Pp. 53–61 (in Russian).

Статья принята к публикации 08.02.2023

DOI 10.18522/2500-3224-2023-1-234-246

УДК 94(47)

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ПОТРЕБНОСТИ, ВОЗМОЖНОСТИ, ПРАКТИКА

Клычников Юрий Юрьевич

Пятигорский государственный университет,

Пятигорск, Россия

klichnikov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности интеграционных процессов на Северном Кавказе. Анализируется специфика взаимодействия народов региона с российской властью. Показано влияние империи на процесс консолидации местных сообществ. Выясняются причины, затруднявшие трансформацию региона в соответствии с общегосударственными правилами межэтнического сосуществования. Демонстрируется преемственность задач, решаемых властями как в дореволюционный, так и в советский и постсоветский периоды. В значительной степени модернизация региона была инициирована государством, создававшим условия по выходу из состояния локальной обособленности. Существенную роль в этом процессе играло и играет русское население. Обеспечивая условия для сохранения народов Северного Кавказа в социокультурном, политическом и экономическом поле российской державности, власти готовы нести серьезные издержки, не только финансово подпитывая местную субъектность, но и предоставляя ей существенную автономию. Интеграционные усилия России заслужили неоднозначную оценку в исторической памяти народов региона, что используется в современной политической практике, в том числе в выстраиваемом диалоге с федеральным центром.

Ключевые слова: Россия, интеграция, Северный Кавказ, администрация, политика, социальный лифт, контакты.

Цитирование: Клычников Ю.Ю. Интеграционные процессы на Северном Кавказе: потребности, возможности, практика // Новое прошлое / The New Past. 2023. № 1. С. 234–246. DOI 10.18522/2500-3224-2023-1-234-246 / Klychnikov Yu.Yu. Integration Processes in the Northern Caucasus: Needs, Opportunities, Practice, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2023. No. 1. Pp. 234–246. DOI 10.18522/2500-3224-2023-1-234-246.

© Клычников Ю.Ю., 2023

INTEGRATION PROCESSES IN THE NORTHERN CAUCASUS: NEEDS, OPPORTUNITIES, PRACTICE

Klychnikov Yuriy Yu.

Pyatigorsk State University,
Pyatigorsk, Russia
klichnikov@mail.ru

Abstract. The article discusses the features of integration processes in the North Caucasus. The specificity of the interaction of the peoples of the region with the Russian authorities is analyzed. The influence of the empire on the process of consolidation of local communities is shown. The reasons that made it difficult to transform the region in accordance with the nationwide rules of interethnic coexistence are clarified. The continuity of the tasks solved by the authorities both in the pre-revolutionary and in the Soviet and post-Soviet periods is demonstrated. To a large extent, the modernization of the region was initiated by the state, which created the conditions for getting out of the state of local isolation. The Russian population has played and continues to play a significant role in this process. By providing conditions for the preservation of the peoples of the North Caucasus in the socio-cultural, political and economic field of Russian sovereignty, the authorities are ready to incur serious costs, not only financially nourishing local subjectivity, but also providing it with significant autonomy. The integration efforts of Russia have earned an ambiguous assessment in the historical memory of the peoples of the region, which is used in modern political practice, including in the ongoing dialogue with the federal center.

Keywords: Russia, integration, North Caucasus, administration, politics, social lift, contacts.

Обретение Российским государством кавказской окраины сразу поставило перед ним множество задач, связанных с адаптацией туземных народов к державным порядкам. Имперские интеллектуалы разрабатывали многочисленные проекты, которые должны были обеспечить органичное включение местных сообществ в полиэтничный мир России. Казалось, что регион, в котором различные племена столетиями сосуществовали друг с другом, достаточно легко примет новые условия и вполне конструктивно отнесется к произошедшим геополитическим трансформациям. Но чем больше происходило узнавание кавказского бытия, тем меньше оптимизма встречалось в оценке местных реалий [Клычников, 2021, с. 148–156].

Первоначально Петербург не собирался вмешиваться в сложившийся уклад народов края, видимо, ожидая ответной равнозначной реакции. Если проанализировать те присяги, которые должны были давать горские племена, то в них главным условием, выдвигаемым царской администрацией, был отказ от хищнических набегов и укрывательства российских беглецов, как правило, находившихся в неладах с законом. За это обещались всевозможные торговые преференции и защита от внешних угроз. Однако, охотно принимая блага, приносимые фактом российского подданства, горцы предпочитали игнорировать свои обязательства перед властями. В частности, они упорно сохраняли приверженность набеговой традиции, игравшей среди прочего важную роль института социализации местного юношества.

Реакция государства оказалась вполне предсказуемой и жесткой. Надежда и попытки договориться сохранялись на протяжении всего периода усмирения. Но зачастую силовые акции оказывались единственным эффективным инструментом давления на недоговороспособного партнера. Разочаровавшись в бесконфликтном соседстве, империя начала взламывать горскую локальность, принуждая народы региона отказаться от неприемлемых для нее сторон устоявшегося быта автохтонов. Вооруженный вариант интеграции имел множество издержек, порождал взаимную нетерпимость и враждебность [Клычников, 2016, с. 12]. Его эффективность проявлялась по-разному. Уязвимые для военно-политического давления «равнинные» народы, к тому же традиционно более открытые для восприятия новаций, довольно успешно встраивались в административно-правовое пространство, формируемое Россией.

Этого нельзя сказать о тех обществах, которые чувствовали себя защищенными благодаря естественным преградам, обеспеченным им ландшафтно-климатическими особенностями региона. Горные племена демонстрировали свою иммунность к навязываемому миропорядку, витальность которого вызывала небезосновательные сомнения. То, что для русских администраторов казалось безусловным благом, могло привести к гибели народов, вынужденных подстраиваться к кормящему ландшафту, имеющему жестко ограниченную ресурсную базу.

В этой связи неминуемые потери от культивируемой и практикуемой воинственности стали восприниматься уже не столь однозначно. Демографический рост, который обеспечивало мирное сосуществование между подданными империи, мог привести к таким не менее опасным результатам, как и высокая смертность во время пандемий.

Для большего числа «мирных» земледельцев и скотоводов просто не хватило бы земли, а эта проблема традиционно являлась болезненным раздражителем во взаимоотношениях как с соседями, так и внутри социумов [Карпов, 2007, с. 219, 298].

Приобщение к роскошеству, за которое ратовала имперская власть в надежде, что оно способно умиротворить воинственный нрав кавказских автохтонов, если и достигалось, то только благодаря проявленному молодечеству и воинской удаче в результате набега. Он был инструментом по изъятию благ у более зажиточных соседей, вынужденных оплачивать угрозой разорения свое право жить на плодородных землях. Сформировалось жизнеспособное мироустройство со своей системой сдержек и противовесов, которые теперь последовательно ликвидировались Российской империей, не желавшей мириться с таким проявлением «варварства» и вполне оправданно стремившейся сохранить за собой монополию на насилие [Карпов, 2001, с. 235–236, 258].

Изоляционизм местных обществ не был следствием проявления неких «злых нравов», а стал результатом вполне объективных обстоятельств, детерминируемых в значительной степени средой обитания. Ведь даже во второй половине XIX в., говоря о местных дорогах, К.Л. Хетагуров отмечал, что: «Не только зимою, когда выход на плоскость сопряжен с опасностью для жизни, когда по месяцам нет сообщения даже между соседними отселками, но и во все времена года никогда нельзя ручаться, что путник, выехавший по безотлагательному делу на плоскость, вернется благополучно домой. Снеговые лавины, каменные и почвенные обвалы, ливни и разливы бешеных горных рек, уничтожающие посевы, покосы, разрушающие и те жалкие тропинки, и “жилые” мосты, которые с величайшим трудом приходится возобновлять и так уже живущему впроголодь населению...» [Хетагуров, 2000, с. 279–280].

Вряд ли кто-либо из современников мог предсказать, что российский интеграционный проект делается катализатором внутрисеверокавказских процессов объединения, заставляя еще вчера самодостаточные общества спланиваться и совместно реагировать на возникшие вызовы. Наиболее успешным проектом оказался имамат, возникший на Северо-Восточном Кавказе и опиравшийся на потенциал части территории Дагестана и Чечни. Он демонстрировал наличие общей идеологии, основанной на религиозных (исламских) надэтнических ценностях [Блиев, 2004, с. 158–193], осуществлял попытку внедрить экономическую специализацию (сделать из Чечни свою житницу) [Покровский, 2009, с. 455], распространить свою судебную-административную систему и карьерно-социальный лифт для своих приверженцев [Блиев, 2004, с. 505–510]. Но наибольших успехов он добился в формировании механизма военной мобилизации общества, сумел вывести набеговую практику на качественно новый уровень, как в искусстве нападения, так и в решении задач по защите собственной территории. При этом практикуемые мюридами методы воздействия на население предполагали террор и насилие. Не выполнявших волю имама показательно наказывали, чтобы внушить остальным смирение и покорность [Милютин, 1850, с. 18]. Аналогичные тенденции, хотя и без столь впечатляющих результатов, прослеживались и на Северо-Западном Кавказе.

Как представляется, здесь имел место альтернативный имперскому проект социокультурного обновления традиционного общества. Его нежелание меняться раздражало горских реформаторов ничуть не меньше, чем их российских визави. Крах сопротивления в итоге оказался результатом не только военного превосходства России, но и отсутствием необходимых сил и средств, отторжением значительной частью общества той модели объединения, которую попытались распространить лидеры «горской революции». Пожалуй, квинтэссенцией произошедшего в итоге разочарования послужили слова наиболее успешного лидера мюридизма – Шамиля: «У меня были братья, которых я считал панцирями; но вот они стали моими врагами. Я считал их за меткие стрелы. Да! они были таковы; но теперь – в моем сердце» [Гаджи-Али, 1873, с. 61].

Даже российский раздражитель не мог надолго сохранить тенденцию к объединению у обществ, привыкших рассчитывать только на себя, чье выживание было связано в значительной степени с автономным натуральным хозяйством, культурой самоограничения и превалирования значимости «символического капитала» духовно-нравственных императивов воинской доблести над материальным благополучием. Выделившаяся из числа сторонников мюридизма элита предпочитала идти, как и многие другие их соплеменники, на службу к внятной и предсказуемой власти империи. И уже в новом статусе продолжать участвовать в интеграционном процессе, который с каждым десятилетием усиливался и начинал приносить зримые результаты [Лазарян, 2022, с. 533–535].

В первой половине XIX столетия российской власти приходилось затрачивать значительную часть своих усилий на борьбу со своими «непримиримыми» противниками. Впрочем, это не означало отсутствия усилий по обустройству новых территорий, постепенно переходивших под контроль имперской администрации. Незримые нити взаимовыгодных хозяйственных и культурных связей все больше привязывали горские народы к российской государственности. Предлагаемые социальные лифты рисовали заманчивые перспективы обретения престижного статуса в державном суперэтнотопосе. В рамках приобщения к имперскому пространству шли процессы регионального сближения. Этому способствовала, среди прочего, этноспециализация. Например, ногайцы предоставляли свои услуги по перевозке грузов, играли важную роль во внутри северокавказских хозяйственных связях [Бентковский, 1888, с. 102]. Армянские купцы играли роль скупщиков местных товаров и вовлекали в торговые контакты даже находившиеся во враждебных отношениях стороны [Лазарян, 2022, с. 413–416].

Процесс сближения инициировали не только государственные структуры, создававшие условия для интеграции региона, но и рядовые участники событий. Традиции куначества были понятны и близки обеим сторонам исторического диалога. Как ни парадоксально, но даже война сделалась инструментом взаимопознания и формировала симпатии к противнику. Формировался феномен, который в современном кавказоведении назван российскостью; его суть можно выразить терминем совместничество, с присущей ему дихотомией сотрудничества-соперничества [Клычников, 2018, с. 3–4].

Как представляется, местные народы гораздо больше проявляли заинтересованность в выстраивании взаимоотношений с русской стороной, нежели со своими соседями по региону. Вряд ли такая ситуация явилась следствием «происков» царской власти. До активизации здесь России мы не наблюдаем тенденции к преодолению замкнутости и, как говорилось выше, большинство населения достаточно комфортно ощущало себя в условиях сложившейся автаркии. Петербург, а до этого и Москва не раз наблюдали взаимную подозрительность и откровенную неприязнь друг к другу даже среди своих собственных вассалов. Ревниво наблюдая за возвышением соперников, горские лидеры могли даже перейти в лагерь противников России, если считали, что она усиливает их соседей-конкурентов [Клычников, 2008, с. 37; Клычников, 2015, с. 80].

Примечательно, что проживавшие на Черноморском побережье Кавказа черкесы к моменту перехода этой территории под власть Петербурга сблизилась не со своими северокавказскими земляками, а с османами, выстроив регулярные торговые контакты, в том числе реализуя «живой товар». Обращает на себя внимание и тот факт, что даже в условиях военно-политического коллапса родственные, но при этом разрозненные и соперничавшие друг с другом племена так и не сумели консолидировано встретить своего общего неприятеля. Они предпочитали героически терять землю предков, даже с иностранной поддержкой не достигнув единства.

Завершение активных боевых действий и исход за пределы края значительной части не смирившихся противников русской власти подстегнул процессы дальнейшего сближения как с остальной частью империи, так и с отдельными частями Кавказа. Буржуазные реформы, в которые оказались втянуты и местные народы, потребовали кардинальной ломки привычного хозяйственно-культурного типа, подстегнули внутрирегиональную кооперацию. Транспортно-логистические связи вышли на качественно новый уровень, особенно после строительства Ростово-Владикавказской железной дороги [Силаев, 2004, с. 110–128]. Перед населением открывался невероятно емкий и теперь доступный рынок России, а с развитием портов, в первую очередь на Черном море, еще и иностранных государств.

Важную роль играл процесс урбанизации края, и городская жизнь, с ее новым пониманием комфорта и престижа, произвела настоящую «культурную революцию» в горской среде [В.-Н.-Л., 1896; Айларова, 1990, с. 95–109]. Кроме того, эти процессы унифицировали и нивелировали прежние этнические различия, сближая туземное население как с русскими соотечественниками, так и с соседними народами, проживавшими на Кавказе. Для «господина Купона» главным оказался не национальный, а имущественный статус человека [Ленин, 1971, с. 593–594]. Обслуживание городских потребностей обеспечивало население, задействованное в аграрном секторе благодаря спросу на продукцию. Кроме того, с каждым годом возрастало число фабрично-заводских предприятий, также базировавшихся на местном сырье.

Социально-политические потрясения русских революций, события Первой мировой войны не только стали величайшими испытаниями, но и открыли перспективы для втянувшихся в орбиту общероссийской истории народов региона. Внутриэтнический

раскол, разделение на красных и белых, в том числе и в горской среде, показывало, насколько прочно врос Северный Кавказ в еще недавно казавшуюся чуждой российской общность. Но даже в условиях ее апокалиптического системного кризиса, центростремительные усилия оказались гораздо сильнее центробежных тенденций.

Новая власть охотно экспериментировала с горцами, объявленными «жертвами царизма», и рассчитывала увидеть в них верных сторонников своих идеалов. Здесь большевики не были оригинальны. Достаточно вспомнить надежды Л.Г. Корнилова на Кавказскую туземную конную дивизию, более известную как «Дикая дивизия», с помощью которой решительный диктатор хотел подавить беспорядки в столице [Безугольный, 2007, с. 40–41]. Рискнем предположить, что воинственных нацменов большевики готовы были бросить на подавление бунтов иноэтнического русского большинства. По крайней мере, на Северном Кавказе их нередко относили к числу «ландскнехтов советской власти» [Деникин, 2003, с. 139].

Но оказалось, что управлять этой стихией – задача весьма нетривиальная. Прежние лидеры, которые придавали горским сообществам организованность и управляемость, для советской власти не годились. И представители феодальной верхушки, и начавшаяся нарождаться буржуазная национальная интеллигенция не подходили в большинстве случаев для строительства нового общества. Нужно было формировать новую элиту, заниматься нациестроительством [Хлынина, Крино, 2014, с. 91]. Ради этого большевики пошли на дискриминацию русского населения, проживавшего на Северном Кавказе. Развернувшаяся политика коренизации, создание массовой системы образования должны были ускорить процесс втягивания все еще патриархального общества в социалистическую модернизацию. Для горцев создавались наиболее комфортные условия для их «стадиального выравнивания» с той частью социума, в первую очередь русскими, которая уже активно осваивала индустриальную ступень в своем развитии [Денисова, Уланов, 2003, с. 87–103].

Оборотной стороной такой практики стали иждивенческие тенденции в местной экономической и социальной практике, изжить которые не удается и по сей день. Насколько это способствовало укреплению государственного единства, однозначно ответить нельзя. Великая Отечественная война, поставившая СССР на грань гибели, как продемонстрировала величайший героизм, проявленный представителями народов Северного Кавказа, сражавшихся против нацистской агрессии, так и явила примеры массового коллаборационизма [Безугольный, 2007, с. 161]. Проводимую властями политику депортации вряд ли можно объяснить только личными качествами советского лидера И.В. Сталина и его ближайшего окружения.

Наиболее успешно внутрирегиональная консолидация происходит лишь в рамках общероссийских процессов. Государство создает условия для выстраивания всевозможных контактов, затрагивающих разные сферы деятельности людей [Клычников, 2022, с. 350–354]. Маркером экономической кооперации можно назвать сетевые магазины, занимающиеся реализацией продовольственных товаров, например, «Магнит», на полках которого встречаются продукты из различных субъектов ЮФО и СКФО [870 российских..., 2021; Производители..., 2022]. Молодежь

для получения образования приезжает в соседние республики и области, где поступает в учебные заведения, чтобы в дальнейшем вернуться в свой регион либо перебраться на новое место жительства. Примером привлекательного вуза может считаться Пятигорский государственный университет, где проходят обучение студенты со всего Северного Кавказа [Горбунов, 2021, с. 9–10; Горбунов, 2022, с. 10].

Представляется, что локомотивом региональной интеграции выступают, прежде всего, условно «русские» субъекты (Ставропольский край, Краснодарский край), армируя пространство Северного Кавказа. В то же время опыт рубежа XX–XXI вв. показывает, что русское население, как правило, становится заложником кризиса государственных институтов и вытесняется из национальных республик. При этом давление на федеральный центр угрозой массового проявления недовольства государственной (зачастую преподносимой как «русской») властью, обеспечивает приток средств, подпитывающий местную субъектность.

И еще примечательно, что, героизируя в исторической памяти войну с империей, в современной политической практике именно «национальные» республики враждуют друг с другом за «справедливый» передел территорий, декларируют «этнический реванш» [Матишов, Батиев, Пашенко, Романов, 2011, с. 57].

В этой связи вызывает интерес феномен практики мемориализации образа русской учительницы. Не отрицая чувства благодарности к подвижническому труду русских просветителей (причем не только учителей!), позволивших решить проблему нехватки собственных подготовленных кадров, можно предположить, что здесь скрывается и запрос на формирование позитивного имиджа конкретного субъекта федерации. Это демонстрация лояльности, стремление показать свою благодарность тем, кто готов вкладывать ресурсы в регион. Привлекательный облик республики позволяет стимулировать инвестиционную активность как государственных, так и частных капиталов.

Для «внутреннего» пользования с не меньшим энтузиазмом устанавливались памятники жертвам «русско-кавказской войны» [Кринко, 2011, с. 61–62]. Представляется, что это часть политики по выстраиванию взаимоотношений с федеральным центром, в которой причудливо сочетаются элементы шантажа, искренней человеческой благодарности, стремление продемонстрировать готовность к диалогу и т.п.

Представляется заблуждением противопоставление имперского и советского интеграционного опыта. Их целью было формирование единого государственного пространства, воспитание соотечественников, преодоление этнической замкнутости. И в первом, и во втором случае применялись самые различные механизмы воздействия на северокавказскую локальность. При этом выбор между политикой «ласканий» и политикой «репрессалий» зачастую определялся реакцией на действия автохтонных народов. Вот уже несколько столетий именно российский фактор выступает главным катализатором происходящих в регионе метаморфоз, в оценке которых вряд ли будет достигнуто единство. В любом случае следует помнить, что «мы восхищаемся древностью, но живем современностью» (Публий Овидий Назон).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Айларова С.А. Особенности социально-экономического развития горских народов в конце XIX в. и работа А.Г. Ардасенова «Переходное состояние горцев Северного Кавказа» // *Россия и Северный Кавказ (проблемы историко-культурного единства)*. Грозный: [Б.и.], 1990. С. 95–109.
- Безугольный А.Ю. Народы Кавказа и Красная Армия. 1918–1945 годы. М.: Вече, 2007. 512 с.
- Бентковский И.В. Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ногайцы. Ч. I. Ставрополь: [Б.и.], 1888. 134 с.
- Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М.: Мысль, 2004. 877 с.
- В.-Н.-Л. (Ардасенов А.Г.) Переходное состояние горцев Северного Кавказа (Перепечатано из газеты «Новое обозрение»). Тифлис: [Б.и.], 1896. 41 с.
- Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле // *Сборник сведений о кавказских горцах*. Тифлис: [Б.и.], 1873. Вып. VII. С. 1–76.
- Горбунов А.П. Об итогах приема в университет в 2021 году. Пятигорск: ПГУ, 2021. 16 с.
- Горбунов А.П. Об итогах приема в университет в 2022 году. Пятигорск: ПГУ, 2022. 16 с.
- Деникин А.И. Очерки русской смуты: В 3 кн. Кн. 3. Т. 4, 5. Вооруженные силы Юга России. М.: Айрис-пресс, 2003. 832 с.
- Денисова Г.С., Уланов В.П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов-на-Дону: [Б.и.], 2003. 352 с.
- Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. 656 с.
- Карпов Ю.Ю. Образы насилия в новой и новейшей истории народов Северного Кавказа // *Антропология насилия*. Отв. ред. В.В. Бочаров и В.А. Тишков. СПб.: Наука, 2001. С. 221–262.
- Клычников Ю.Ю. Из истории формирования российского Северного Кавказа во второй половине XVI–XVIII веках. Под ред. и с предисл. В.Б. Виноградова. Пятигорск: [Б.и.], 2008. 136 с.
- Клычников Ю.Ю. Российская государственность и северокавказская архаика: В поисках преодоления противоречий (XVIII–начало XXI вв.). Исторические очерки. М.: ЛЕНАНД, 2015. 368 с.
- Клычников Ю.Ю. Северный Кавказ: старые проблемы в новом измерении (Историко-политологические очерки). Под ред. и с предисл. проф. С.Л. Дударева. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2016. 99 с.
- Клычников Ю.Ю. Совместничество: ретроспективный анализ специфики русско-северокавказских отношений // *Известия научно-педагогической кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова*. Вып. 9. Отв. ред. С.Л. Дударев. Пятигорск: ПГУ, 2018. 108 с.

Клычников Ю.Ю. «На верность подданства и обладания нами, на условиях следующих...»: понятие лояльности северокавказских горцев глазами российской администрации // *Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура. Материалы VIII Международного форума историков-кавказоведов (г. Пятигорск, 14–15 октября 2021 г.)*. Отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. В 2 ч. Ч. 1. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2021. С. 148–156.

Клычников Ю.Ю. Путь «из варяг в арабы» XXI столетия в отражении «стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа на период до 2030 года» // *Актуальные проблемы общества, экономики и правопорядка в контексте глобальных вызовов. Материалы международной научно-практической конференции*. Кизляр: ДГУ; Махачкала: АЛЕФ, 2022. С. 350–354.

Кринко Е.Ф. Кавказская война в исторической памяти: конфликт интерпретаций // «Черкесский вопрос» в контексте угроз и рисков в Азово-Черноморском регионе: *Материалы Расширенного заседания Ученого совета ИСЭГИ ЮНЦ РАН (5 июля 2011 г., Ростов-на-Дону)*. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 55–66.

Лазарян С.С. Кавказ под управлением князя М.С. Воронцова (1844–1854 гг.). М.: Проспект, 2022. 768 с.

Ленин В.И. Развитие капитализма в России // *Полное собрание сочинений*. М.: Издательство политической литературы, 1971. Т. 3. XVI с., 791 с.

Матишов Г.Г., Батиев Л.В., Пащенко И.В., Романов И.В. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Т. V. Специальный выпуск. Северный Кавказ: проблемы и перспективы развития. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 160 с.

Милютин Д.А. Описание военных действий 1839 года в Северном Дагестане. СПб., 1850. 144 с.

Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М.: РОССПЭН, 2009.

Производители из Северной Осетии могут стать поставщиками сети «Магнит». URL: <https://region15.ru/proizvoditeli-iz-severnoj-osetii-mogut-stat-postavshhikami-seti-magnit/> (дата обращения – 27 января 2023 г.).

Силаев Н.Ю. «Кавказа не станет...» (Владикавказская железная дорога: несколько незамеченных сюжетов) // *Кавказский сборник*. Под ред. Н.Ю. Силаева. М.: НП ИД «Русская панорама», 2004. Т. I (33). С. 110–128.

Хетагуров К. Пути сообщения в горной полосе Кавказа // *Полное собрание сочинений в 5 т. Т. 4*. Сост., подготовка текста, комментарии и указатели З.Н. Суменовой. Владикавказ: СОИГСИ, 2000. 506 с.

Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф. История, политика и нациестроительство на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. 434 с.

870 российских поставщиков стали новыми партнерами «Магнита» в 2021 году. URL: <https://www.magnit.com/ru/media/press-releases/870-rossiyskikh-postavshchikov-stalipovnymi-partnerami-magnita-v-2021-godu/> (дата обращения – 27 января 2023 г.).

REFERENCES

- Ajlarova S.A. Osobennosti social'no-ekonomicheskogo razvitiya gorskih narodov v konce XIX v. i rabota A.G. Ardasenova "Perekhodnoe sostoyanie gorcev Severnogo Kavkaza" [Features of the socio-economic development of the mountain peoples at the end of the 19th century. and the work of A.G. Ardasenov "The transitional state of the highlanders of the North Caucasus"], in *Rossiya i Severnyj Kavkaz (problemy istoriko-kul'turnogo edinstva)* [Russia and the North Caucasus: issues of historical and cultural unity]. Groznyj: [S.n.], 1990. Pp. 95–109 (in Russian).
- Bezugol'nyj A.Yu. *Narody Kavkaza i Krasnaya Armiya. 1918–1945 gody* [The peoples of the Caucasus and the Red Army. 1918–1945 years]. Moscow: Veche, 2007. 512 p. (in Russian).
- Bentkovskij I.V. *Istoriko-statisticheskoe obozrenie inorodcev-magometan, kochuyushchih v Stavropol'skoj gubernii. Nogajcy* [Historical and statistical review of Mohammedan foreigners wandering in the Stavropol province. Nogais]. Part I. Stavropol': [S.n.], 1888. 134 p. (in Russian).
- Bliv M.M. *Rossiya i gorcy Bol'shogo Kavkaza. Na puti k civilizacii* [Russia and the Highlanders of the Greater Caucasus. On the way to civilization]. Moscow: Mysl', 2004. 877 p. (in Russian).
- V.-N.-L. (Ardasenov A.G.) *Perekhodnoe sostoyanie gorcev Severnogo Kavkaza (Perepechatano iz gazety "Novoe obozrenie")* [The transitional state of the highlanders of the North Caucasus (Reprinted from the newspaper "New Review")]. Tiflis: [S.n.], 1896. 41 p. (in Russian).
- Gadzhi-Ali. Skazanie ochevidca o Shamil'e [Eyewitness story about Shamil], in *Sbornik svedenij o kavkazskih gorcah* [Collection of information about the Caucasian highlanders]. Tiflis: [S.n.], 1873. Is. VII. Pp. 1–76 (in Russian).
- Gorbulov A.P. *Ob itogah priema v universitet v 2021 godu* [About the results of admission to the university in 2021]. Pyatigorsk: PGU, 2021. 16 p. (in Russian).
- Gorbulov A.P. *Ob itogah priema v universitet v 2022 godu* [About the results of admission to the university in 2022]. Pyatigorsk: PGU, 2022. 16 p. (in Russian).
- Denikin A.I. *Ocherki russoj smuty. V 3 knigah. Kniga 3. T. 4, 5. Vooruzhennye sily Yuga Rossii* [Essays on Russian Troubles: In 3 books. Book. 3. Vol. 4, 5. Armed Forces of the South of Russia]. Moscow: Ajris-press, 2003. 832 p. (in Russian).
- Denisova G.S., Ulanov V.P. *Russkie na Severnom Kavkaze: analiz transformacii sociokul'turnogo statusa* [Russians in the North Caucasus: Analysis of the Transformation of Socio-Cultural Status]. Rostov-on-Don: [S.n.], 2003. 352 p. (in Russian).
- Karpov Yu.Yu. *Vzglyad na gorcev. Vzglyad s gor: Mirovozzrencheskie aspekty kul'tury i social'nyj opyt gorcev Dagestana* [A look at the mountaineers. View from the mountains: Worldview aspects of culture and social experience of the highlanders of Dagestan]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2007. 656 p. (in Russian).
- Karpov Yu.Yu. *Obrazy nasiliya v novoj i novejshej istorii narodov Severnogo Kavkaza* [Images of violence in the new and recent history of the peoples of the North Caucasus],

in *Antropologiya nasiliya* [Anthropology of violence]. Ed. by V.V. Bocharov, V.A. Tishkov. St. Petersburg: Nauka, 2001. Pp. 221–262 (in Russian).

Klychnikov Yu.Yu. *Iz istorii formirovaniya rossijskogo Severnogo Kavkaza vo vtoroj polovine XVI–XVIII vekah* [From the history of the formation of the Russian North Caucasus in the second half of the 16th–18th centuries]. Ed. and with a preface V.B. Vinogradov. Pyatigorsk: [S.n.], 2008. 136 p. (in Russian).

Klychnikov Yu.Yu. *Rossijskaya gosudarstvennost' i severokavkazskaya arhaika: V poiskah preodoleniya protivorechij (XVIII–nachalo XXI vv.). Istoricheskie ocherki* [Russian statehood and the North Caucasian archaic: In search of overcoming contradictions (18th–early 21st centuries). Historical essays]. Moscow: LENAND, 2015. 368 p. (in Russian).

Klychnikov Yu.Yu. *Severnyj Kavkaz: starye problemy v novom izmerenii (Istoriko-politologicheskie ocherki)* [North Caucasus: old problems in a new dimension (Historical and political essays)]. Ed. and with a preface prof. S.L. Dudarev. Pyatigorsk: Izd-vo PGLU, 2016. 99 p. (in Russian).

Klychnikov Yu.Yu. *Sovmestnichestvo: retrospektivnyj analiz specifiky rusko-severokavkazskih otnoshenij* [Compatibility: a retrospective analysis of the specifics of Russian-North Caucasian relations]. Otv. red. S.L. Dudarev, in *Izvestiya nauchno-pedagogicheskoy kavkazovedcheskoj Shkoly V.B. Vinogradova* [Proceedings of the Scientific and Pedagogical School of Caucasian Studies V.B. Vinogradov]. Vyp. 9. Pyatigorsk: PGU, 2018. 108 p. (in Russian).

Klychnikov Yu.Yu. “Na vernost' poddanstva i obladaniya nami, na usloviyah sleduyushchih...”: ponyatie lojal'nosti severokavkazskih gorcev glazami rossijskoj administracii [“For allegiance to citizenship and possession of us, on the terms of the following...”: the concept of loyalty of the North Caucasian highlanders through the eyes of the Russian administration], in *Narody Kavkaza v XVIII–XXI vv.: istoriya, politika, kul'tura. Materialy VIII Mezhdunarodnogo foruma istorikov-kavkazovedov (g. Pyatigorsk, 14–15 oktyabrya 2021 g.)* [Peoples of the Caucasus in the 18th–21st centuries: history, politics, culture. Materials of the VIII International Forum of Caucasian Historians (Pyatigorsk, October 14–15, 2021)]. Ed. by akad. G.G. Matishov. In 2 parts. Part 1. Rostov-on-Don: Izd-vo YUNC RAN, 2021. Pp. 148–156 (in Russian).

Klychnikov Yu.Yu. Put' “iz varyag v araby” XXI stoletiya v otrazhenii “strategii social'no-ekonomicheskogo razvitiya Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga na period do 2030 goda” [The path “from the Varangians to the Arabs” of the 21st century in the reflection of the “strategy of socio-economic development of the North Caucasus Federal District for the period up to 2030”], in *Aktual'nye problemy obshchestva, ekonomiki i pravoporyadka v kontekste global'nyh vyzovov. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Actual problems of society, economics and law and order in the context of global challenges. Materials of the international scientific-practical conference]. Kizlyar: DGU; Mahachkala: ALEF, 2022. Pp. 350–354 (in Russian).

Krinko E.F. *Kavkazskaya vojna v istoricheskoy pamyati: konflikt interpretacij* [Caucasian war in historical memory: conflict of interpretations], in “*Cherkesskij vopros*” v kontekste *ugroz i riskov v Azovo-Chernomorskom regione: Materialy Rasshirennoho zasedaniya*

Uchyonogo soveta ISEGI YUNC RAN (5 iyulya 2011 g., Rostov-na-Donu) ["The Circassian question" in the context of threats and risks in the Azov-Black Sea region: Proceedings of the Expanded meeting of the Academic Council of the ISEGI SSC RAS (July 5, 2011, Rostov-on-Don)]. Rostov-on-Don: Izd-vo YUNC RAN, 2011. Pp. 55–66 (in Russian).

Lazaryan S.S. *Kavkaz pod upravleniem knyazya M.S. Voroncova (1844–1854 gg.)* [Caucasus under the control of Prince M.S. Vorontsov (1844–1854)]. Moscow: Prospekt, 2022. 768 p. (in Russian).

Lenin V.I. *Razvitie kapitalizma v Rossii* [Development of capitalism in Russia], in *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Works]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1971. Vol. 3. XVI p., 791 p. (in Russian).

Matishov G.G., Batiev L.V., Pashchenko I.V., Romanov I.V. *Atlas social'no-politicheskikh problem, ugroz i riskov Yuga Rossii. Vol. V. Special'nyj vypusk. Severnyj Kavkaz: problemy i perspektivy razvitiya* [Atlas of socio-political problems, threats and risks of the South of Russia. Vol. V. Special issue. North Caucasus: problems and development prospects]. Rostov-on-Don: Izd-vo YUNC RAN, 2011. 160 p. (in Russian).

Milyutin D.A. *Opisanie voennykh deystvij 1839 goda v Severnom Dagestane* [Description of the military operations of 1839 in Northern Dagestan]. St. Petersburg, 1850. 144 p. (in Russian).

Pokrovskij N.I. *Kavkazskie vojny i imamat Shamilya* [Caucasian wars and Shamil's imamate]. Moscow: ROSSPEN, 2009. 511 p. (in Russian).

Proizvoditeli iz Severnoj Osetii mogut stat' postavshchikami seti "Magnit" [Producers from North Ossetia can become suppliers of the Magnit network]. Available at: <https://region15.ru/proizvoditeli-iz-severnoj-osetii-mogut-stat-postavshchikami-seti-magnit/> (accessed 27 January 2023).

Silaev N.Yu. "Kavkaza ne stanet..." (Vladikavkazskaya zheleznaya doroga: neskol'ko nezamechennykh syuzhetov) ["The Caucasus will not be..." (Vladikavkaz railway: several unnoticed plots)], in *Kavkazskij sbornik*. Ed. by N.Yu. Silaev. Moscow: NP ID "Russkaya panorama", 2004. Vol. 1 (33). Pp. 110–128 (in Russian).

Hetagurov K. *Puti soobshcheniya v gornoj polose Kavkaza* [Communication routes in the mountainous strip of the Caucasus], in *Polnoe sobranie sochinenij v 5 t.* [Complete works in 5 volumes]. Vol. 4. Sost., podgotovka teksta, kommentarii i ukazateli Z.N. Sumenova. Vladikavkaz: SOIGSI, 2000. 506 p. (in Russian).

Khlynina T.P., Krinko E.F. *Istoriya, politika i naciestroitel'stvo na Severnom Kavkaze* [History, politics and nation-building in the North Caucasus]. Rostov-on-Don: Izd-vo YUNC RAN, 2014. 434 p. (in Russian).

870 rossijskikh postavshchikov stali novymi partnerami "Magnita" v 2021 godu [870 Russian suppliers became new partners of Magnit in 2021]. Available at: <https://www.magnit.com/ru/media/press-releases/870-rossijskikh-postavshchikov-stali-novymi-partnerami-magnita-v-2021-godu/> (accessed 27 January 2023).

Статья принята к публикации 14.02.2023

DOI 10.18522/2500-3224-2023-1-247-264

УДК 94(47).084

СОВЕТСКИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: СМЫСЛЫ, МЕХАНИЗМЫ И ОТРАЖЕНИЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Аверьянов Антон Викторович

Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия
avaveryanov@sfedu.ru

Аннотация. В статье рассматривается советский опыт интеграции Северного Кавказа в общегосударственное социокультурное и политико-экономическое пространство. Выделены основные направления и механизмы вовлечения региона в советский проект на начальном этапе его реализации в 1920–1930-е гг. Отмечается, что советская модель модернизации Северного Кавказа основывалась на принципах прогрессизма и стадийного развития общества, одним из важнейших факторов которого было национально-государственное строительство. Особое внимание в статье уделяется формированию модели управления Северным Кавказом. Подчеркивается, что советские управленческие практики в 1920–1930-е гг. были обусловлены переходом от имперских к новым советским механизмам интеграции региона. Значительную роль в этих процессах играли выдающиеся личности — политики, ученые, в том числе местные уроженцы. Доказывается, что логика интеграции Северного Кавказа, его политического, социального и административного развития в советский период во многом определялась необратимостью масштабных изменений горских сообществ, вызванных революционными событиями и их последствиями. Огромное значение в рамках процессов интеграции имело формирование единого научно-образовательного пространства, которое стало локомотивом развития всего Северного Кавказа в советский период.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Юг России, интеграция, коренизация, модернизация, советский проект, историческая память.

SOVIET INTEGRATION PRACTICES IN THE NORTH CAUCASUS: MEANINGS, MECHANISMS AND REFLECTION IN HISTORICAL MEMORY

Averyanov Anton V.

Southern Federal University,

Rostov-on-Don, Russia

avaveryanov@sfedu.ru

Abstract. The article examines the Soviet experience of integrating the North Caucasus into the national socio-cultural and political-economic space. The main directions and mechanisms of the region's involvement in the Soviet project at the initial stage of its implementation in the 1920s-1930s are highlighted. It is noted that the Soviet model of modernization of the North Caucasus was based on the principles of progressivism and the stadial development of society, one of the most important indicators of which was national-state construction. Special attention is paid in the article to the formation of a management model of the North Caucasus. It is emphasized that Soviet management practices in the 1920s and 1930s were conditioned by the transition from imperial to new Soviet mechanisms of integration of the region. Prominent personalities – politicians, scientists, including local natives – played a special role in these processes. It is proved that the logic of integration of the North Caucasus, its political, social and administrative development in the Soviet period was largely determined by the irreversibility of large-scale changes in mountain communities caused by revolutionary events and their consequences. Of great importance within the framework of integration practices was the formation of a single scientific and educational space, which became the locomotive of the development of the entire North Caucasus during the Soviet period.

Keywords: North Caucasus, South of Russia, integration, korenization, modernization, Soviet project, historical memory.

Цитирование: Аверьянов А.В. Советские интеграционные практики на Северном Кавказе: смыслы, механизмы и отражение в исторической памяти // Новое прошлое / The New Past. 2023. № 1. С. 247–264. DOI 10.18522/2500-3224-2023-1-247-264 / Averyanov A.V. Soviet Integration Practices in the North Caucasus: Meanings, Mechanisms and Reflection in Historical Memory, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2023. No. 1. Pp. 247–264. DOI 10.18522/2500-3224-2023-1-247-264.

© Аверьянов А.В., 2023

В рамках заявленной дискуссии большое значение имеет анализ исторического опыта интеграции Северного Кавказа в единое государственное политико-правовое и экономическое пространство в рамках советского проекта. Система управления регионом играла в этом процессе важнейшую роль, прежде всего в период ее становления в 1920–1930-е гг.

На наш взгляд, власть была главным движущим фактором модернизации региона. Данная формулировка наиболее точно определяет характер качественных изменений, которые происходили в этот период во всех сферах жизни общества на Северном Кавказе. Большевистский проект был по своей сути модернистским, т.е. отражал концепцию прогрессивного развития общества, стадийный характер изменений. На Кавказе его реализация столкнулась с целым рядом сложностей, обусловленных, с одной стороны, традиционным характером горских сообществ и сохранявшейся инерцией архаики; с другой стороны, набравшим силу переустройством прежней системы социальных, политических и экономических отношений, что проявлялось в обострившейся борьбе за земельные ресурсы, пограничных спорах. Советские и партийные органы играли роль третейского судьи в клубке социальных, национальных и политических противоречий на Северном Кавказе, выстраивая сложные балансы отношений с различными социальными и этническими группами населения. Для власти было важно сохранить авторитет, завоеванный в годы Гражданской войны, поскольку идеи социальной справедливости вполне укладывались в представления об идеалах общественного устройства у горской массы и религиозных авторитетов. Зачастую это выражалось в причудливых политических альянсах и лозунгах, вроде «За советскую власть и шариат».

Однако временные тактические уступки не могли нарушить стратегических задач и общей логики советского проекта, основанных на идеях прогресса и поступательного развития общества. Высвобожденная в ходе революционных событий энергия масс имела обоюдоострый – разрушительный и созидательный потенциал. Важно было ее оседлать, направив в конструктивное русло, что обуславливало необходимость создания эффективной системы управления на всех уровнях. В условиях дефицита квалифицированных кадров в этнической среде ставилась задача их скорейшей подготовки, что требовало определенного времени. Нехватка управленцев из числа местных уроженцев компенсировалась за счет русских специалистов, а также формирования крупных административно-территориальных образований, куда входили как «русские», так и национальные административно-территориальные единицы. Ярким примером стало создание в октябре 1924 г. Северо-Кавказского края, система управления которого представляла собой своеобразную матрешку органов власти краевого, окружного, районного и местного уровней. Национальные автономии в формате областей были встроены в краевую систему управления. Данная модель вовлечения горских автономий в крупные административно-территориальные образования отражала стратегию советского руководства по интеграции национальных областей в единое политико-правовое и экономическое пространство. По словам А.И. Микояна, краевое руководство должно было

«содействовать органичному вращению национальных областей в край» [ЦДНИРО, ф. Р-7, оп. 1, д. 14, л. 22].

Личностный фактор в процессе модернизации Северного Кавказа в 1920–1930-е гг. сложно переоценить, поскольку именно в переломные моменты истории отдельные выдающиеся личности оказывают порой определяющее воздействие на характер и масштаб социально-политических изменений. Кавказ дал много политических деятелей государственного масштаба. Достаточно вспомнить И.В. Сталина, А.И. Микояна, Г.К. Орджоникидзе, С.Г. Шаумяна, Н.Н. Нариманова и др. Многие из них оставили свой след в истории Северного Кавказа.

Учитывая, что большевики изначально делали ставку на местные национальные кадры, а также беря во внимание специфику социальных отношений, присущих горским обществам, где личный авторитет имеет большое значение, персональный фактор в процессе становления советской власти на Северном Кавказе зачастую играл определяющую роль. В пример можно привести таких политических деятелей, как Г.С. Ахриев, М.-А. Дахадаев, М.А. Далгат, Н.А. Катханов, Дж.А. Коркмасов, А.А. Тахо-Годи, А.Д. Шерипов, Т.Э. Эльдарханов и др.

Система управления Северным Кавказом прошла сложный период становления и развития. Непростой характер ситуации в регионе в годы Гражданской войны предопределил особые полномочия партийных структур. В 1920 г. было создано Кавказское бюро ЦК РКП(б), а в следующем году из него выделилось Юго-Восточное бюро ЦК РКП(б) с центром в Ростове-на-Дону. В его задачу входило осуществление руководства партийными организациями Донской и Кубано-Черноморской областей, Терской и Ставропольской губерний [РГАСПИ, ф. 65, оп. 1, д. 5]. Созданный в 1924 г. Северо-Кавказский крайком РКП(б) возглавляли известные большевики, в том числе фигуры союзного значения со значительным политическим весом и опытом управления – А.И. Микоян (1924–1926 гг.), Г.К. Орджоникидзе (с 4 сентября по 18 октября 1926 г.), А.А. Андреев (1928–1930 гг.), Б.П. Шеболдаев (1930–1934 гг.) [ЦДНИРО, ф. Р-7, оп. 1, д. 5]. Они имели возможность прямого выхода на республиканские и союзные ведомства с учетом того, что развитие Северного Кавказа имело общегосударственное значение.

Восстановление сельского хозяйства признавалось Юго-Восточным бюро ЦК РКП(б) в 1922 г. первой задачей, поскольку оно являлось основой всей хозяйственной жизни Юго-Востока [РГАСПИ, ф. 73, оп. 3, д. 7, л. 9]. В перспективе планировалось создание промышленной базы региона. Согласно проекту Госплана, каждая из административных единиц РСФСР должна была представлять «целостный хозяйственный организм, экономически законченную, но не замкнутую величину... с большим уклоном в сторону фабрично-заводской промышленности» [ГАРО, ф. Р-3758, оп. 1, д. 471, л. 84].

Исходя из данных задач, в результате многочисленных дискуссий о будущих границах Юго-Востока горские автономии вошли в состав Северо-Кавказского края

с центром в Ростове-на-Дону. Перед регионом стояли первостепенные задачи, связанные с реконструкцией экономики, складыванием единого рынка товаров и услуг, формированием национального пролетариата, созданием системы широкого охвата населения общим и профессиональным образованием. Краевые власти должны были обеспечить и курировать связь национальных автономий как с «русскими» регионами, так и с центром в рамках интеграции Северного Кавказа в единое экономическое и политико-правовое пространство.

Горские автономии имели возможность постоянного сношения с центральными органами власти, в том числе с наркоматами РСФСР. При Наркомнаце функционировало представительство Горской АССР, а затем при Президиуме ВЦИК в Москве по 1936 г. действовали представительства северокавказских автономных областей. Они принимали участие в разработке законодательных проектов, планов социально-экономического и культурно-образовательного развития [Батыров, 2008, с. 15–16].

На уровне края горские автономии курировала комиссия по национальной политике (национальная комиссия) Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), созданная летом 1924 г. [ЦДНИРО, ф. Р-7, оп. 1, д. 3, л. 3] Ее председателем был утвержден первый секретарь крайкома РКП(б) А.И. Микоян, а членами являлись представители автономий, в том числе И.Б. Зязиков, Б.Э. Калмыков, С.Г. Мамсуров, С.А. Такоев, Т.Э. Эльдерханов и др. [ЦДНИРО, ф. Р-7, оп. 1, д. 154, л. 24] В сферу деятельности национальной комиссии был включен широкий спектр проблем, связанных с развитием национальных автономий [Акопян, 2013; Кокорхоева, 2018].

Начало 1920-х гг. ознаменовало собой важный этап становления советских органов власти, в том числе на низовом уровне. Показавшие свою эффективность в чрезвычайных условиях Гражданской войны и внесшие большой вклад в национально-государственное строительство на Северном Кавказе революционные комитеты (ревкомы) находились в процессе передачи всей полноты власти советским органам.

В первой половине 1920-х гг. начался процесс массового советского строительства в национальных автономиях, которые должны были вытеснить традиционные институты самоуправления и сформировать необходимую социально-политическую и экономическую повестку развития, в том числе на местном уровне в рамках «низовой» советизации. Формирование эффективных и реально действующих органов власти в формате сельсоветов или аулсоветов – «основной ячейки советской власти», имело социально-политическую (классовую) подоплеку и должно было вовлечь в систему управления не просто коренные народы, а представителей классово близких элементов. В принятом в мае 1925 г. на III съезде Советов СССР постановлении «О национальных меньшинствах» планировалось обеспечить проведение мероприятий по введению во все местные выборные органы власти представителей титульного населения. Актуальность советского строительства обуславливалась также малочисленностью партийного актива в горских автономиях

и его сосредоточенностью в городских промышленных центрах, в то время как на селе, где проживала большая часть населения, просоветского актива было значительно меньше [Советская политика за 10 лет..., 1928, с. 14].

Фактически Северный Кавказ имел двойной контур управления — партийный и советский. Правовед П.И. Стучка отмечал, что значение советской автономии «состоит в экономическом и политическом единстве — централизме и децентрализации — культурной (бытовой) и национальной» [Стучка, 1929, с. 268]. Сложилось и своеобразное разделение полномочий между партийными и советскими органами: первые, как правило, занимались стратегическими вопросами экономического развития и политико-властными отношениями; вторые — вопросами хозяйственного, социально-бытового, культурного развития.

Структура советских органов менялась в соответствии с административно-территориальными трансформациями в регионе и ростом политического статуса горских автономий — от национальных округов и областей, до автономных республик.

Баланс между партийными и советскими органами варьировался в зависимости от текущей конъюнктуры. Если в 1920-е гг. наблюдался всплеск советского строительства, то в 1930-е гг. на первый план выдвигаются партийные органы, что свидетельствовало о востребованности чрезвычайных форм управления в условиях нарастания внутри- и внешнеполитической напряженности.

Во второй половине 1930-х гг. после принятия новой Конституции в декабре 1936 г. складывание структуры управления на Северном Кавказе в целом завершилось. С незначительными изменениями (без учета периода депортаций ряда народов Северного Кавказа) она существовала вплоть до распада Советского Союза. Многие горские автономии повысили свой статус до уровня автономных республик: Чечено-Ингушская АССР, Северо-Осетинская АССР, Кабардино-Балкарская АССР. Во многом это стало возможным после территориальных приращений, которые начались с конца 1920-х гг., что позволило увеличить их экономический потенциал и обеспечить относительную самодостаточность. В 1929–1930 гг. город Грозный и Сунженский округ вошли в состав Чеченской АО; в 1931 г. в состав Черкесской АО была включена часть Баталпашинского района; в 1932 г. в состав Кабардино-Балкарской АО вошла часть Прохладненского района; в 1936 г. в состав Адыгейской АО — часть Гиагинского и Майкопского районов с городом Майкопом, который стал административным центром автономии [Цуциев, 2007, с. 73].

Дагестанская АССР обрела республиканский статус еще в 1921 г., наряду с Горской АССР, но, в отличие от нее, продолжала существовать, хотя с 1931 по 1936 гг. входила в состав Северо-Кавказского края. Она изначально боролась за право прямого сношения с Москвой, что сопровождалось административно-территориальными пертурбациями и конфликтами интересов между краевыми и республиканскими властями.

Окончательное устранение промежуточного звена управления на краевом уровне и создание горских автономий в форме республик свидетельствовало о последовательном воплощении принципа национального самоопределения, что обуславливало складывание новой, в корне отличавшейся от дореволюционной модели управления регионом. Исследователи отмечают, что советская управленческая модель унаследовала некоторые черты от имперской, однако делала ставку не на региональные, а на этнические отличия, что обусловило расцвет национально-государственного строительства на Северном Кавказе [Хлынина, Кринко, Урушадзе, 2012, с. 269]

В данном контексте опыт Северо-Кавказского края, объединившего в своих границах территорию всего Юга России, стал, с одной стороны, своего рода отражением имперского опыта управления регионом в лице Кавказского наместничества; с другой стороны, переходным этапом на пути к самостоятельному управлению национальных автономий. Федеративный тип устройства государства в рамках советской управленческой модели считался наиболее оптимальным вариантом его воплощения и включал в себя различные «виды федерации» — от союзных республик до национальных автономий (автономных округов, автономных областей, автономных республик), на территории которых реализовывалась модель национального строительства на квазигосударственной основе. Национальная автономия стала универсальным механизмом интеграции народов России в единое политико-правовое и социально-экономическое пространство.

Национально-государственное строительство требовало большого количества местных кадров в области управления, что обуславливало поиск эффективных механизмов их воспитания и подготовки. Все это нашло свое воплощение в политике коренизации. В современной историографии получило широкое распространение мнение о том, что ее аналогом стала актуальная на современном этапе во многих странах мира политика позитивной дискриминации (Affirmative Action). Хотя родной последней считаются США, а ее начало относится к 1961 г., многие ее элементы переносятся на советский опыт национальной политики. Большой резонанс вызвала работа американского профессора Т. Мартина «Империя положительной деятельности. Нации и национализм в СССР, 1923–1939», в которой автор доказывает, что Советский Союз стал первой в мире империей положительной деятельности, где принцип позитивной дискриминации в пользу этнических меньшинств реализовывался в таких масштабах на уровне государственной политики [Мартин, 2011, с. 12].

Однако большевиков вряд ли стоит считать авторами данной идеи. Ее элементы имели место задолго до существования Советского государства, в том числе в Российской империи. Например, Н.Н. Жуков отмечает, что «особо ярким примером реализации “позитивной” дискриминации в дореволюционном праве был правовой статус финляндских обывателей. Особый интерес представляет уже то, что возможность приобретения специального финляндского гражданства русскими обывателями была существенно затруднена, при этом последние находясь на территории

Финляндии, были существенно ограничены и в экономических и в политических правах. В тоже время уроженцы Великого княжества Финляндского пользовались всеми правами русских обывателей вне зависимости от места жительства» [Жуков, 2010, с. 38].

Новый импульс развитию национального самосознания положили революционные события и всплеск национального движения на территории бывшей Российской империи. Для управления Кавказом Временным правительством было создан Особый Закавказский комитет (ОЗАКОМ), упраздненный Кавказское наместничество. Параллельно действовали Грузинский и Армянский национальные советы и Мусульманский национальный комитет. На Северном Кавказе процессы суверенизации также набирали силу. В.Б. Лобанов отмечает, что в течение марта-апреля 1917 г. в национальных округах Терской области стали возникать новые, национальные, по сути, органы власти. В короткий период времени появились Ингушский национальный совет, Владикавказский (Осетинский) окружной гражданский комитет, Чеченский национальный комитет, Нальчикский гражданский исполнительный комитет. Аналогичные процессы шли полным ходом в Дагестане» [Лобанов, 2017, с. 87]. 1 мая 1917 г. на Первом съезде Союза горцев Северного Кавказа во Владикавказе был провозглашен Союз горцев Северного Кавказа. Новые органы власти, в которых доминирующую роль играли представители коренных народов, демонстрировали решительный разрыв с имперским прошлым, акцентируя внимание на проблемах национального угнетения. Председатель Временного ЦК объединенных горцев Б.А. Шаханов в своей речи отмечал, что «50 с лишним лет тому назад тяжелый гнет царизма задавил свободу горцев Кавказа... Наш незабвенный народный герой имам Чечни и Дагестана Шамиль был пленен и отвезен в Калугу кончать свою жизнь в условиях придирчивого жандармского режима... В марте 1917 года русский пролетариат и русская революционная армия, в союзе с русской интеллигенцией, сбросив оковы с русского народа, тем же ударом разбили и цепи, насковавшие» [цит по: Лобанов, 2017, с. 90]. Симптоматично, что терское казачество наряду с горцами также выступало как народ, пострадавший от царизма, о чем неоднократно говорил атаман Терского казачьего войска М.А. Караулов [Лобанов, 2017, с. 94–95].

Процессы формирования государственности на Северном Кавказе приняли очевидный и необратимый характер. В сложившейся ситуации большевики стремились перехватить текущую национальную повестку, заручившись поддержкой местных элит.

Большевистские лидеры довольно точно улавливали изменения общественных запросов, используя их в собственных политических интересах. Именно благодаря декларировавшемуся тезису о праве наций на самоопределение, позволившему привлечь на свою сторону национальных активистов, ставших проводниками интересов советской власти в регионе, большевикам удалось выставить в глазах местного населения из числа горских и степных народов своих политических противников в лице правительств белого Юга сторонниками старой, «колониальной»

политики, выражавшейся в лозунге о единой и неделимой России. Ожесточенные вооруженные столкновения Добровольческой армии с местными вооруженными формированиями на территории Чечни, Ингушетии, Дагестана автоматически увеличивали сторонников советской власти. После ее победы на Северном Кавказе большевики во многом были вынуждены следовать в русле ожиданий местного населения и политических элит. В такой ситуации вопрос заключался не в том, состоится ли национальная государственность на Северном Кавказе, а в том, в каких формах она будет реализована, что нашло свое выражение в советской национальной автономии. Логика текущего политического момента в целом соответствовала модернизационному содержанию советского проекта, важнейшим элементом которого был тезис о вызревании наций как закономерном этапе исторического развития.

Таким образом, политика коренизации имела под собой как политическую, так и идеологическую основу. Ее суть состояла в вовлечении национальных, горских масс, в советский проект, в том числе на низовом уровне. Отсюда коренизация делопроизводства, школы, советов. Этот процесс должен был проходить на понятном языке и не казаться навязываемым проектом сверху, не ассоциироваться с русской властью, что должно было подчеркивать принципиально новые подходы государственной политики на Северном Кавказе.

Политика коренизации на Северном Кавказе является одним из важнейших аспектов изучения национальной политики в современной историографии. В работах Е.Н. Бадмаевой [Бадмаева, 2018], А.В. Аверьянова, А.Е. Батырева [Аверьянов, Батырев, 2021], М.А. Гутиевой [Гутиева, 2011], И.Г. Шнайдера [Шнайдер, 2022], Е.В. Туфанова [Туфанов, 2017], Т.П. Хлыниной [Хлынина, 2014] анализируются причины, ход, основные направления, результаты политики коренизации в регионе, хотя еще остаются дискуссионные вопросы, связанные, к примеру, с ее началом. Значительная часть исследователей относит его к XII съезду РКП(б) в апреле 1923 г., который постановил, чтобы «д) органы национальных республик и областей строились по преимуществу из людей местных, знающих язык, быт, нравы и обычаи соответствующих народов; е) были изданы специальные законы, обеспечивающие употребление родного языка во всех государственных органах и во всех учреждениях, обслуживающих местное инонациональное население и национальные меньшинства, — законы, преследующие и карающие со всей революционной суровостью всех нарушителей национальных прав и в особенности прав национальных меньшинств» [Двенадцатый съезд РКП(б)..., 1968, с. 696]. Другие авторы считают, что коренизация началась значительно раньше — с 1920 г. [Карпов, 2017, с. 275] или 1921 г. [Туфанов, 2018, с. 60–61].

Размытые хронологические рамки и отсутствие четко прописанных общесоюзных или республиканских правовых норм коренизации свидетельствует о том, что она являлась набором политических установок, которые видоизменялись в зависимости от текущей конъюнктуры. В силу отсутствия какой-либо общепризнанной трактовки понятия «коренизация» оно интерпретировалось достаточно широко. На

совещании отдела национальностей при Президиуме ВЦИК по вопросам коренизации в октябре 1929 г. было отмечено, что под этим понимается «вовлечение в советский аппарат и культурно-просветительные учреждения представителей трудящихся масс коренной национальности», а также «перевод работы учреждений... на язык коренного населения, с тем, чтобы работу этих учреждений приблизить к трудящимся массам населения» [ГАРФ, ф. Р-1235, оп. 123, д. 68, л. 243–243об].

Система образования стала важнейшим направлением процесса коренизации. В Конституции РСФСР 1925 г. отмечалось, что «национальным меньшинствам обеспечивается право обучения на родном языке в школе» [Конституция РСФСР 1925 года]. Это проявлялось в создании разветвленной сети национальных школ в рамках политики ликвидации неграмотности среди горского населения. Данный процесс сопровождался созданием письменности для многих народов. В годы первых пятилеток в регионе наблюдалась устойчивая тенденция роста количества школ и учащихся, особенно в сельской местности, где проживала наибольшая доля коренных народов. Только за период с 1928 по 1932 гг. количество школ и учеников в них увеличилось в несколько раз. В Чеченской АО число образовательных учреждений за этот период времени увеличилось с 112 до 264, а учащихся — с 6,9 тыс. до 52,3 тыс. человек. В Ингушской АО количество школ возросло с 31 до 54; учащихся с 2,5 тыс. до 9,1 тыс. человек. В Кабардино-Балкарской АО данные показатели увеличились с 169 до 221; 12,5 тыс. и 36,9 тыс. человек соответственно [Итоги решения национального вопроса в СССР ..., 1936, с. 191].

Широкий охват горского населения системой начального и профессионального образования давал возможность подготовки национальных кадров для советских и партийных структур, воспитания молодежи в соответствующем идеологическом ключе. Последний аспект советской системы образования был особенно важен, поскольку помимо национального фактора, акцентировал внимание на социальных (классовых) аспектах общественного развития. В данном контексте в рамках дискурса о практиках позитивной дискриминации классовый фактор на формальном уровне был выражен более акцентированно, нежели национальный. В Конституции 1924 г. был прописан тезис о диктатуре пролетариата, избирательные квоты от городских советов в пять раз превышали квоты от сельских советов. Выходцы из рабочей или бедняцкой крестьянской среды имели государственную поддержку и значительные преференции при поступлении в высшие учебные заведения, рабоче-крестьянское происхождение играло значительную роль как критерий продвижения по карьерной лестнице, при назначении на высшие государственные посты, в том числе в национальных автономиях. Институт лиценцев также формировался по социальному признаку.

Практика позитивной дискриминации в Советском государстве по этническому признаку, в отличие от дифференциации населения по классовому показателю, была вторичной и в целом ограничивалась рамками национальных автономий, что в корне отличает ее, например, от современных практик во многих зарубежных государствах, где действует экстерриториальный принцип ее реализации. Само

использование термина «позитивная дискриминация», на наш взгляд означает попытку переноса западного общественного и научного дискурса на российскую, в данном случае советскую почву, в том числе в рамках постколониальной теории, что не всегда корректно отражает сущность исследуемых процессов.

Так, доступ в национальные школы, создававшиеся в рамках устава Единой трудовой школы (ЕТШ), был открыт для всех детей школьного возраста от 8 до 17 лет. Однако приоритет отдавался детям трудящихся [ГАСК, ф. Р-300, оп. 1, д. 139, л. 71]. Преподавательский состав в национальных школах в 1920–1930-е гг. во многом состоял из русских учителей, которые направлялись в национальные регионы, в том числе на Северный Кавказ.

Развитие школьного образования в горских автономиях сталкивалось с большим количеством проблем, связанных, например, со сложностью вовлечения в образовательный процесс девочек-горянок. Фиксировались случаи разгрома советских школ, порчи имущества, угроз учителям. Не последнюю роль в этом играла антирелигиозная пропаганда в советских школах. В смешанных по этническому признаку населенных пунктах довольно распространенными были случаи обучения в национальных школах русских детей. Все эти проявления сложно назвать позитивной дискриминацией, поэтому данная проблема нуждается в дальнейшем изучении и концептуальном осмыслении.

Роль русской и национальной интеллигенции в социокультурных и политических трансформациях на Северном Кавказе сложно переоценить. Зачатки формирования местной интеллигенции берут свое начало еще в имперский период, однако именно в советское время сложился достаточно многочисленный класс работников сферы образования, науки, культуры, здравоохранения из числа местных народов. Статус национальных автономий, прежде всего автономных республик, позволил создать научно-образовательную инфраструктуру, которая стала основой для подготовки научных кадров и развития местной промышленности. На первом этапе – в 1920–1930-е гг. основными научными ячейками были научно-краеведческие общества, музеи, краевые и областные научно-исследовательские учреждения по изучению истории и культуры народов Северного Кавказа и созданию письменности для народов. Все это создало предпосылки для дальнейшего развития науки и научной мысли на Северном Кавказе [Киндарова, 2005, с. 22].

Развитие экономики и потребность в педагогических кадрах обусловило создание соответствующих высших учебных заведений, на базе которых сегодня функционируют крупнейшие республиканские высшие учебные заведения. В 1920 г. во Владикавказе был открыт Терский институт народного образования, переименованный в Горский практический институт народного образования, а с 1938 г. ставший Северо-Осетинским государственным педагогическим институтом имени К.Л. Хетагурова. На его базе в 1969 г. был создан нынешний Северо-Осетинский государственный университет.

В 1931 г. в Махачкале был основан Дагестанский государственный педагогический институт, преобразованный в 1957 г. в Дагестанский государственный университет. Созданный в 1932 г. педагогический институт в Нальчике в 1957 г. стал Кабардино-Балкарским государственным университетом, с 1996 г. носящим имя выдающегося историка и первого ректора Х.М. Бербекова. С 1938 г. ведет свою историю Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова, который является преемником Грозненского учительского института, впоследствии Чечено-Ингушского государственного педагогического университета, с 1971 г. Чечено-Ингушского государственного университета имени Л.Н. Толстого. Предшественником Карачаево-Черкесского государственного университета имени У.Д. Алиева был учительский, а затем педагогический институт в Карачаевске, в 1994 г. ставший педагогическим университетом, а с 2003 г. приобретший нынешний статус. В 1940 г. в Майкопе был открыт учительский институт, преобразованный в 1952 г. в Адыгейский педагогический институт, а с 1993 г. являющийся Адыгейским государственным университетом.

Сеть высших учебных заведений на Северном Кавказе была тесно интегрирована в советскую научно-образовательную систему. Со временем возникла необходимость в координации деятельности вузов всего Северо-Кавказского экономического района, в том числе с вузами и научными центрами Ростова-на-Дону, Краснодара и Ставрополя. С этой целью благодаря усилиям ректора Ростовского государственного университета Ю.А. Жданова в Ростове-на-Дону на основании Постановления Совета Министров СССР № 724 от 28 сентября 1969 г. «О развитии научных учреждений в отдельных экономических районах РСФСР» был создан Северо-Кавказский научный центр высшей школы. На основе тесного взаимодействия и кооперации геологов, биологов, географов, краеведов со всего Северного Кавказа удалось создать многотомный труд (15 книг) «Природные ресурсы и производительные силы Северного Кавказа», а также вышло два тома «Истории народов Северного Кавказа» [Северо-Кавказский научный центр высшей школы].

История развития науки и образования в регионе в советский период представляет собой яркий пример эффективных практик экономической и социокультурной интеграции Северного Кавказа в единое государственное пространство Российского государства. Современная научно-образовательная инфраструктура на Юге России во многом является преемницей советских традиций в этой сфере, а также важным фактором сохранения и развития взаимодействия между представителями научного сообщества всего Северного Кавказа как важного интеграционного потенциала.

Историческая память остается значимым социальным институтом на Северном Кавказе. Если говорить о советском периоде истории региона, то для многих народов он стал временем обретения собственной государственности. С другой стороны, в исторической памяти отражаются трагические периоды их истории, связанные с событиями Великой Отечественной войны, депортаций.

Многие деятели и события советской эпохи представлены в современной топонимике: в названии населенных пунктов, улиц, парков, площадей. Взять хотя бы название столицы Дагестана – Махачкала, которая именуется в честь Магомед-Али Дадахаева (псевдоним Махач), большевика, который являлся борцом за советскую власть на Северном Кавказе. В Грозном на площади Дружбы народов стоит памятник революционерам Н.Ф. Гикало, А.Д. Шерипову и Г.С. Ахриеву, символизирующий братство русского, чеченского и ингушского народов. Уже в 2000-е гг. он был реконструирован, что свидетельствует о том символическом значении, которое приобрел этот монумент в новых политических условиях. В Ингушетии большим уважением пользуется фигура «друга ингушского народа» С. Орджоникидзе, который принимал активное участие в создании ингушской автономии. В 2021 г. в республике состоялась серия мероприятий, посвященных 135-й годовщине со дня рождения С. Орджоникидзе [В Ингушетии отдают дань памяти...]. В селе Мужичи Сунженского района действует музей Орджоникидзе, являющийся филиалом Ингушского государственного музея краеведения.

Значительным интеграционным потенциалом обладает историческая память о Великой Отечественной войне. Почетное звание «Города воинской славы» в республиках Северного Кавказа носят Владикавказ, Грозный, Малгобек, Нальчик наряду с почти 50 российскими городами, объединенными общей памятью народов Советского Союза о совместной борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

Наряду с ратной славой все большее признание получает признание подвигов специалистов мирных профессий. Большой позитивный общественный резонанс вызвало открытие в Махачкале в 2006 г. скульптуры, получившей неофициальное название – памятник русской учительнице. Он символизирует труд и вклад русских специалистов – представителей разных профессий, которые жили, работали и посвятили свою жизнь Дагестану и его народам. Реализация подобных меморативных практик свидетельствует о востребованности позитивной интеграционной повестки и репрезентации Северного Кавказа как неотъемлемой части общероссийского мемориального пространства.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Аверьянов А.В., Батырев А.Е. Особенности формирования и коренизации государственного аппарата в контексте национального строительства на Северном Кавказе в 1920–1930-е гг. // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2021. Т. 12. Вып. 10 (108).

Акопян В.З. Проблемы национальных меньшинств в деятельности комиссии по национальной политике Северо-Кавказского крайкома (1920-е годы) // *Научная мысль Кавказа*. 2013. № 2. С. 76–79.

Бадмаева Е.Н. Исторический опыт формирования органов управления и проведения политики коренизации в национальных автономиях Юга России в 1920–1930 гг. // *Oriental Studies*. 2018. Т. 38. № 4. С. 11–23.

Батыров А.Е. Представительство Северо-Осетинской автономной области при Президиуме Всероссийского центрального исполнительного комитета (1924–1936 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Владикавказ, 2008. 22 с.

В Ингушетии отдают дань памяти Серго Орджоникидзе, который был другом ингушского народа // *Сердало*. Общациональная газета Республики Ингушетия. Официальный сайт. URL: <https://serdalo.ru/v-ingushetii-otdayut-dan-pamyati-sergo-ordzhonikidze-kotoryy-byl-drugom-ingushskogo-naroda?ysclid=ler8vd3jbo686579885> (дата обращения – 15 декабря 2022 г.).

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-1235. Оп. 123. Д. 68.

Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-3758. Оп. 1. Д. 471.

Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. Р-300. Оп. 1. Д. 139.

Гутиева М.А. Политика коренизации кадров и особенности ее реализации на Северном Кавказе // *Гуманитарные и социальные науки*. 2011. № 1. С. 2–7.

Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года: Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1968. 904 с.

Жуков Н.Н. Истоки феномена «позитивной» дискриминации в российском праве // *Северо-восточный научный журнал*. 2010. № 2. С. 35–38.

Итоги разрешения национального вопроса в СССР. Под ред. С. Диманштейна. М.: Власть Советов, 1936. 223 с.

Карлов Ю.Ю. Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20–30-е гг. XX в.: эволюция проблем и решений. СПб.: Петербургское востоковедение, 2017. 397 с.

Киндарова А.Я. Становление и развитие науки и научно-образовательных учреждений на Северном Кавказе в 1920–1970-е годы: На материалах Чечено-Ингушетии, Дагестана, Северной Осетии и Кабардино-Балкарии: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Грозный, 2005. 24 с.

Кокорхоева Д.С. Из истории организации Комиссии по национальной политике РКП(б) – ВКП(б) на Северном Кавказе: мотивы создания и роль в системе управления автономиями (1924–1927) // *Научная мысль Кавказа*. 2018. № 3. С. 47–55.

Конституция РСФСР 1925 года [Электронный ресурс] // Электронный музей конституционной истории России. Официальный сайт. URL: <http://www.rusconstitution.ru/library/constitution/articles/1222/> (дата обращения – 15 декабря 2022 г.).

Лобанов В.Б. Терек и Дагестан в огне Гражданской войны: Религиозное, военно-политическое и идеологическое противостояние в 1917–1920-х годах. СПб.: Владимир Даль, 2017. 483 с.

Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. Пер. с англ. О.Р. Щелоковой. М.: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. 855 с.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 65. Оп. 1. Д. 5.

РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 3. Д. 7.

Северо-Кавказский научный центр высшей школы // Южный федеральный университет. Официальный сайт. URL: https://sfedu.ru/www/stat_pages22.show?p=ELS/inf/D&x=ELS/-424 (дата обращения – 15 декабря 2022 г.).

Советская политика за 10 лет по национальному вопросу в РСФСР: Систематический сборник действующих актов правительства Союза ССР и РСФСР по делам национальностей РСФСР (Октябрь 1917 г.–ноябрь 1927 г.). М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. 499 с.

Стучка П.И. Учение о советском государстве и его конституции СССР и РСФСР. М.; Л.: Госиздат, 1929. 311 с.

Туфанов Е.В. Кадры региональных управленцев в 1920–1930-е годы: становление и функционирование (на материалах Северного Кавказа). Ставрополь: ОООИД ТЭСЭРА, 2018. 206 с.

Туфанов Е.В. К вопросу коренизации государственного и партийного аппарата в 1920–1930-е гг. (на материалах Северного Кавказа) // *Научная мысль Кавказа*. 2017. № 3 (91). С. 84–89.

Хлынина Т.П. Коренизация и решение национального вопроса на Северном Кавказе в 1920-е–1930-е гг. // *Вестник Южного научного центра РАН*. 2014. Т. 1. № 3. С. 106–111.

Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф., Урушадзе А.Т. Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. 272 с.

Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 3.

ЦДНИРО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 5.

ЦДНИРО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 14.

ЦДНИРО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 154.

Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М.: Европа, 2007. 127 с.

Шнайдер В.Г. Коренизация как составная часть национальной политики большевиков на Северном Кавказе в 1920–1930-е гг. // *Вестник Армавирского государственного педагогического университета*. 2022. № 1. С. 172–178.

REFERENCES

- Aver'yanov A.V., Batyrev A.E. Osobennosti formirovaniya i korenizatsii gosudarstvennogo apparata v kontekste natsional'nogo stroitel'stva na Severnom Kavkaze v 1920–1930-e gg. [Features of the formation and root formation of the state apparatus in the context of nation-building in the North Caucasus in the 1920s-1930s], in *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya"*. 2021. Vol. 12. No. 10(108) (in Russian)..
- Akopyan V.Z. Problemy natsional'nykh men'shinstv v deyatel'nosti komissii po natsional'noy politike Severo-Kavkazskogo kraykoma (1920-e gody) [Problems of national minorities in the activities of the Commission on National Policy of the North Caucasus Regional Committee (1920s)], in *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. 2013. No. 2. Pp. 76–79 (in Russian).
- Badmaeva E.N. Istoricheskiy opyt formirovaniya organov upravleniya i provedeniya politiki korenizatsii v natsional'nykh avtonomiyakh Yuga Rossii v 1920–1930 gg. [The historical experience of the formation of governing bodies and the implementation of the policy of root formation in the national autonomies of the South of Russia in 1920–1930], in *Oriental Studies*. 2018. Vol. 38. Is. 4. Pp. 11–23 (in Russian).
- Batyrov A.E. Predstavitel'stvo Severo-Osetinskoy avtonomnoy oblasti pri Prezidiume Vserossiyskogo tsentral'nogo ispolnitel'nogo komiteta (1924–1936 gg.) [Representation of the North Ossetian Autonomous Region at the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee (1924–1936)]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Vladikavkaz, 2008. 22 p. (in Russian).
- V Ingushetii otdajut dan' pamjati Sergo Ordzhonikidze, kotoryj byl drugom ingushskogo naroda [Ingushetia pays tribute to the memory of Sergo Ordzhonikidze, who was a friend of the Ingush people], in *Serdalo. Obshhenacional'naja gazeta Respubliki Ingushetija*. Available at: <https://serdalo.ru/v-ingushetii-otdayut-dan-pamyati-sergo-ordzhonikidze-kotoryj-byl-drugom-ingushskogo-naroda?ysclid=ler8vd3jbo686579885> (accessed 12 January 2023).
- State Archive of Russian Federation (GARF). F. R-1235. Inv. 123. D. 68.
- State Archive of Rostov Region (GARO). F. R-3758. Inv. 1. D. 471.
- State Archive of the Stavropol Territory (GASK). F. R-300. Inv. 1. D. 139.
- Gutieva M.A. Politika korenizatsii kadrov i osobennosti ee realizatsii na Severnom Kavkaze [The policy of personnel radicalization and the specifics of its implementation in the North Caucasus], in *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 2011. No. 1. Pp. 2–7 (in Russian).
- Dvenadtsatyy s"yezd RKP(b). 17–25 aprelya 1923 goda: Stenograficheskiy otchet* [Twelfth Congress of the RCP(b). April 17–25, 1923: Verbatim record]. Moscow: Politizdat, 1962. 904 p. (in Russian).
- Zhukov N.N. Istoki fenomena "pozitivnoy" diskriminatsii v rossiyskom prave [The origins of the phenomenon of "positive" discrimination in Russian law], in *Severo-vostochnyy nauchnyy zhurnal*. 2010. No. 2. Pp. 35–38 (in Russian).

Itogi razresheniya natsional'nogo voprosa v SSSR [Results of the resolution of the national question in the USSR]. Ed. by S. Dimanshteyna. Moscow: Vlast' Sovetov, 1936. 223 p. (in Russian).

Karpov Yu.Yu. *Natsional'naya politika sovetskogo gosudarstva na severokavkazskoy periferii v 20–30-e gg. XX v.: evolyutsiya problem i resheniy* [The national policy of the Soviet state on the North Caucasian periphery in the 20–30s of the 20th century: the evolution of problems and solutions]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2017. 397 p. (in Russian).

Kindarova A.Ya. *Stanovlenie i razvitie nauki i nauchno-obrazovatel'nykh uchrezhdeniy na Severnom Kavkaze v 1920–1970-e gody: Na materialakh Checheno-Ingushetii, Dagestana, Severnoy Osetii i Kabardino-Balkarii* [Formation and development of science and scientific and educational institutions in the North Caucasus in the 1920s–1970s: Based on the materials of Chechen-Ingushetia, Dagestan, North Ossetia and Kabardino-Balkaria]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Groznyy, 2005. 24 p. (in Russian).

Kokorkhoeva D.S. *Iz istorii organizatsii Komissii po natsional'noy politike RKP(b)–VKP(b) na Severnom Kavkaze: motivy sozdaniya i rol' v sisteme upravleniya avtonomiyami (1924–1927)* [From the history of the organization of the Commission on National Policy of the RCP (b)-the CPSU (b) in the North Caucasus: the motives for the creation and role in the system of management of autonomies (1924–1927)], in *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. 2018. No. 3. Pp. 47–55 (in Russian).

Konstitutsiya RSFSR 1925 goda [The Constitution of the RSFSR of 1925]. Available at: <http://www.rusconstitution.ru/library/constitution/articles/1222/> (accessed 15 January 2023).

Lobanov V.B. *Terek i Dagestan v ogne Grazhdanskoj vojny: Religioznoe, voenno-politicheskoe i ideologicheskoe protivostoyanie v 1917–1920-kh godakh* [Terek and Dagestan in the Flames of Civil War: Religious, Military-Political and Ideological Confrontation in the 1917–1920's]. St. Petersburg: Vladimir Dal', 2017. 483 p. (in Russian).

Martin T. *Imperiya «polozhitel'noy deyatel'nosti». Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939* [The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939]. Moscow: ROSSPEN: Fond “Prezidentskiy tsentr B.N. El'tsina”, 2011. 855 p. (in Russian).

Russian State Archive of Socio-political History (RGASPI). F. 65. Inv. 1. D. 5.

RGASPI. F. 73. Inv. 1. D. 7.

Severo-Kavkazskiy nauchnyy tsentr vysshey shkoly [North Caucasus Higher School Research Center]. Available at: https://sfedu.ru/www/stat_pages22.show?p=ELS/inf/D&x=ELS/-424 (accessed 15 January 2023).

Sovetskaya politika za 10 let po natsional'nomu voprosu v RSFSR: Sistemicheskiy sbornik deystvuyushchikh aktov pravitel'stva Soyuzo SSR i RSFSR po delam natsional'nostey RSFSR (Oktyabr' 1917 g. – noyabr' 1927 g.) [Soviet policy for 10 years on the national question in the RSFSR: A systematic collection of current acts of the Government of the USSR and

the RSFSR on Nationalities of the RSFSR (October 1917 – November 1927)]. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo, 1928. 499 p. (in Russian).

Stuchka P.I. *Uchenie o sovetskom gosudarstve i ego konstitutsii SSSR i RSFSR* [The doctrine of the Soviet state and its Constitution of the USSR and the RSFSR]. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1929. 311 p. (in Russian).

Tufanov E.V. *Kadry regional'nykh upravlentsev v 1920–1930-e gody: stanovlenie i funktsionirovanie (na materialakh Severnogo Kavkaza)* [Cadres of regional managers in the 1920s–1930s: formation and functioning (based on the materials of the North Caucasus)]. Stavropol': OOOID TESERA, 2018. 206 p. (in Russian).

Tufanov E.V. K voprosu korenizatsii gosudarstvennogo i partiynogo apparata v 1920–1930-e gg. (na materialakh Severnogo Kavkaza) [On the issue of the Root formation of the state and Party Apparatus in the 1920s–1930s. (based on the materials of the North Caucasus)], in *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. 2017. No. 3(91). Pp. 84–89 (in Russian).

Khlynina T.P. Korenizatsiya i reshenie natsional'nogo voprosa na Severnom Kavkaze v 1920-e–1930-e gg. [Korenization and the solution of the national question in the North Caucasus in the 1920s–1930s], in *Vestnik Yuzhnogo nauchnogo tsentra RAN*. 2014. Vol. 1. No. 3. Pp. 106–111 (in Russian).

Khlynina T.P., Krinko E.F., Urushadze A.T. *Rossiyskiy Severnyy Kavkaz: istoricheskiy opyt upravleniya i formirovaniya granits regiona* [The Russian North Caucasus: historical experience of management and formation of the borders of the region]. Rostov-on-Don: SSC RAS Publishers, 2012. 272 p. (in Russian).

Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region (CDNIRO). F. R-7. Inv. 1. D. 3.

CDNIRO. F. R-7. Inv. 1. D. 5.

CDNIRO. F. R-7. Inv. 1. D. 14.

CDNIRO. F. R-7. Inv. 1. D. 154.

Tsutsiev A.A. *Atlas etnopoliticheskoy istorii Kavkaza (1774–2004)* [Atlas of the ethnopolitical history of the Caucasus (1774–2004)]. Moscow: Evropa, 2007. 127 p. (in Russian).

Shnayder V.G. Korenizatsiya kak sostavnaya chast' natsional'noy politiki bol'shevikov na Severnom Kavkaze v 1920–1930-e gg. [Korenizatsiya as an integral part of the national policy of the Bolsheviks in the North Caucasus in the 1920s–1930s], in *Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2022. No. 1. Pp. 172–178 (in Russian).

Статья принята к публикации 14.02.2023